

РЮ
ЧЖУН

Такуан
Комо

Рю Чжун

Такуан из Кото

«Издательские решения»

Чжун Р.

Такуан из Кото / Р. Чжун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602771-8

Волшебная каменная куница забирается на самые Небеса и устраивает переполох, в котором несладко приходится даже богам. Но порой и мышь сильнее слона бывает, как гласит пословица. Судьба мира оказывается в руках юного плута и мошенника по имени Такуан. Присоединяйтесь к его приключениям на страницах книги «Такуан из Кото». Ранее книга была издана в трёх отдельных частях: «Принц Голубых Цветов», «Охотники на демонов» и «Посланцы богов».

ISBN 978-5-00-602771-8

© Чжун Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвёртая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	39
Глава седьмая	47
Глава восьмая	54
Глава девятая	61
Глава десятая	71
Глава одиннадцатая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Такуан из Кото

Рю Чжун

Посвящается моему сыну, Г.

Переводчик Рю Чжун

Редактор Инна Харитонова

Корректор Ольга Рыбина

Леттеринг-дизайнер Екатерина Багирова

Леттеринг-продюсер Елизавета Сбитникова

© Рю Чжун, 2024

© Рю Чжун, перевод, 2024

ISBN 978-5-0060-2771-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Принц Голубых Цветов

Глава первая

в которой повествуется о том, как волшебная каменная куница отправилась в погоню за солнцем, а в итоге встретила богиню Сиваньму и получила от неё имя

В незапамятные времена на берегах вечного океана лежала страна Ауяску. Волны трёх морей берегли её сон. Молчаливое западное море баюкало своим шёпотом, а Ледяное море крепко сжимало Ауяску в своих объятьях. Даже море Великих Бурь притихло у берегов этой холодной страны.

Белоснежной шубой укрывалась страна Ауяску от солнечного тепла. В самый жаркий летний день яркому светилу не удавалось пробраться под снежный покров и пробудить Ауяску от векового сна.

Посреди страны высилась снежная гора, а на её вершине была чудесная скала. Скала эта была открыта солнечным лучам и лунному сиянию, потому что не росли на ней высокие деревья. Один только мох покрывал едва тёплые от солнца камни.

И вот однажды скала произвела на свет каменное яйцо. Позднее из этого яйца вылупилась каменная куница, наделённая пятью органами чувств и четырьмя конечностями.

Она довольно быстро научилась бегать и охотиться на мелкую дичь, что скрывалась в снегах. Подружилась она и с другими зверями, которые населяли бесконечные снега Ауяску: с лисами, медведями, росомахами, волками и даже кротами, ну и, конечно же, с другими куницами, своими сородичами. Её родную гору потому и называли Куньей, что служила она домом для множества куниц.

Как-то утром, когда солнце появилось на востоке и медленно перекатывалось по небосводу, куницы принялись резвиться вокруг скалы, гоняться друг за другом. Нарезвившись, они успокоились и, уставившись на солнце, принялись толковать – «ведь даже звери между собой говорить умеют», так гласит пословица.

– Никто не знает, что такое солнце на самом деле, – сказали куницы. – Можно ли его ухватить в зубы и не обжечься?

Собрались они вместе и полезли на самую вершину скалы, пытаясь добраться до солнца. Прыгали они, но никак дотянуться до солнца не могли.

– Вот если найдётся среди нас тот, кто сможет нам солнце достать, сделаем его своим управителем! – так сказали куницы.

Каменная куница выскочила вперёд, махнула хвостом и крикнула:

– Я достану вам солнце!

Вскричав так, куница прыгнула к солнцу что есть сил и, конечно же, полетела прямо вниз – в огромный сугроб у подножия скалы. Но эта неудача несколько её не расстроила.

Куница отряхнула налипший снег и победно оглянулась на своих братьев и сестёр, будто она изначально так и задумывала – со всего маху в сугроб прыгнуть. Взмахнула хвостом и отправилась в ту сторону, с которой солнце свисало на небосводе.

Солнцу между тем не сиделось на месте. К вечеру оно коснулось снежного горизонта чуть западнее обычного. Дни были коротки, и солнце садилось почти там же, где и вставало.

Прошла ночь, и солнце снова приподнялось над горизонтом. Куница продолжила путь. Она уже пожалела о своём бахвальстве, но отступить было некуда. Не хотелось кунице возвращаться с пустыми лапами.

Так, день за днём шла куница по заснеженным равнинам. Чем дальше она продвигалась на юг, тем больше был размах солнечного пути между восходом и закатом. Морозный воз-

дух потеплел, а снег начал подтаивать. В проталины проглядывал лёд, который становился всё тоньше и тоньше. А потом и вовсе пошёл надламываться, опадая крупными кусками в тёмную воду.

Наконец достигла куница края великих льдов: добралась до того места, где встречались Ледяное и Молчаливое моря. Солнце там купало своё отражение в уходящей к горизонту воде. Громадные куски колотого льда прижимались друг к другу, сторонясь волн Молчаливого моря. Идти дальше было невозможно.

Куница заметила вдалеке большой кусок льда, который медленно отчаливал от изломанной череды своих перепуганных морскими волнами братьев. «Для дальнего путешествия нужен подходящий корабль, и вот же он!» – так порешила куница. Разбежалась и перепрыгнула на льдину, которая закачалась от неожиданности. Так началось морское путешествие каменной куницы.

День за днём льдина качалась на волнах, медленно продвигаясь к югу. Морские течения не препятствовали этому, но и не помогали; их мысли были устремлены на восток.

Воды Молчаливого моря оказались теплее, чем рассчитывали наши путешественники, которые родом были из холодной Ауяску.

Кунице такой ход вещей был по нраву. С большим удовольствием купалась она в мягкой теплеющей воде и ныряла за мелкой рыбёшкой. А вот льдина испытывала совершенно иные чувства. От яркого солнца и тёплой воды она становилась всё меньше и меньше.

Наконец льда осталось так мало, что куница едва на нём помещалась. Она забеспокоилась за свою жизнь и начала нервно перетаптываться на месте. Льдина от этого закачалась сильнее и перевернулась, опрокинув куницу в море.

Отфыркиваясь, куница забралась обратно и тут заметила на западе тёмную линию.

– Ура! – обрадовалась куница и погребла к берегу, помогая себе хвостом.

Гостеприимный берег был покрыт зелёной растительностью, в которой жили насекомые и звери, которых кунице ранее видеть не приходилось. Птицы заливались причудливыми трелями в кроне ветвистых деревьев.

Куница хорошенько отдохнула и решила продолжить свой путь на юг. Из поваленного дерева она изготовила плот, забралась на него и посильней оттолкнулась задними лапами.

Стоило западному берегу пропасть за горизонтом, как откуда ни возьмись набежали тучи и началась гроза. Молчаливое море зарычало и стало бросать крошечный плот то вверх, то вниз. Много времени продолжался шторм, а когда наконец закончился, плот из разломанного дерева оказался выброшен на золотой песок страны Итаюинду.

«Здесь и живёт солнце!» – так подумала куница, пересыпая тёплый песок между когтей. Само солнце стояло у куницы прямо над головой и насмехалось. Так показалось кунице, и она погрозила кулаком:

– Смейся-смейся! – крикнула она. – Придёт ночь, и я тебя изловлю!

Куница отправилась вдоль берега и увидела множество народу. Одни люди ловили рыбу сетями, другие охотились на уток и зайцев, третьи засевали поля рисовыми ростками, иные собирали опавшие с высоких деревьев плоды, стирали и сушили одежду.

Приблизившись к людям, куница стала выделывать всякие штуки: прыгать и размахивать когтистыми лапами, зарываться в песок и вертеть хвостом. Жители никогда такого зверя не видели и в страхе разбежались, побросав всё, с чем пришли. Куница наелась до отвала и стала от нечего делать примерять на себя брошенную одежду.

В шароварах и курточке с красным поясом куница стала похожа на одного из местных жителей. Пошла она тогда по городам и сёлам, чтобы посмотреть, как живут эти люди, у которых, к удивлению куницы, от всей шерсти осталась только копна волос на затылке.

Со временем куница научилась людским обычаям и языку.

Прошло семь лет, и куница наконец вспомнила о своей цели.

Сколько она ни ходила по стране Итаюинду, солнца кунице найти не удалось. А люди только смеялись её расспросам и говорили, что солнце нигде и никогда не касается земли и что встретиться с ним можно только на Небесах.

Тогда куница решила сама отправиться на Небеса и там изловить назойливое солнце, которое припекало ей макушку каждый день. Чтобы добраться до Небес, вздумала куница взлезть на самую высокую гору. «Уж с неё-то я непременно до Небес допрыгну», – решила она.

Самой высокой горой в Итаюинду считалась Гуньлунь. На самой вершине этой горы стоял храм Сиваньму – великой богини Запада. Туда и отправилась каменная куница.

По пути к вершине куница услышала человеческий голос, который пел похабную песню о семи карликах, что решили взобраться на лошадь, но только у них это никак не получалось. «Вот и богиня», – подумала куница. Её нисколько не смутило, что голос был грубый и хриплый.

Она прошла ещё немного вперёд и увидела на поляне бородатого человека с огромной корзиной. «Ну и дела! – удивилась куница. – Местные богини не только на затылке покрыты шерстью, но и со стороны подбородка. Должно быть, это говорит об их волшебной силе. Коли так, я даже посильнее богини буду».

– Приветствую тебя, богиня Сиваньму! – вскричала куница.

Бородатый человек прекратил своё пение и сказал:

– Должно быть, ты перепутала, уважаемая. Какая из меня богиня! Я всего лишь отшельник, который живёт на склонах этой священной горы.

Отшельник собирал грибы себе на ужин и радушно пригласил куницу присоседиться к его трапезе. Вместе они приготовили нехитрое блюдо. Отшельник набрал холодной воды из ручья и вымочил в ней найденные грибы. Затем добавил немного заповедных трав и корней, повесил котелок над костром и уселся перед ним. Куница тоже примостилась рядом. Сидеть на голых камнях ей оказалось неудобно, поэтому она подтащила большой деревянный чурбан и уселась на него верхом.

За ужином куница спросила отшельника:

– Почему ты назвал эту гору священной? Не живёт ли на ней богиня Сиваньму?

– Живу здесь много лет, но богини не встречал, – ответил отшельник. – А какая у тебя нужда к богине? Хочешь испросить у неё мудрости? Или красоты?

– Хочу забраться на Небеса, – сказала куница.

– Только бессмертные небожители туда могут попасть, – покачал отшельник головой. – Сам я живу на этой священной горе вдали от людей, чтобы хоть так обрести бессмертие.

– Если это нужно для того, чтобы оказаться на Небесах, – сказала тогда куница, – я тоже поселюсь на этой горе.

– Вот как! Тогда у меня к тебе есть просьба, – сказал отшельник. – На вершине горы разбит персиковый сад. Говорят, персики в этом саду имеют ни с чем не сравнимый вкус.

Кунице тотчас же захотелось попробовать этих персиков, но из уважения к отшельнику она промолчала.

– Я стар и немощен, – продолжил отшельник, – и нет у меня сил забираться на самую верхотуру. А больше всего на свете хотел бы я попробовать этих персиков. Принеси мне один и живи тогда со мной в хижине.

На самом деле отшельник был не так-то прост. Это был вовсе не человек, а бес-оборотень, которого прогнали с Небес за то, что он вылил чернила прямо в прозрачный родник у дворца Нефритового Императора.

Оборотень мечтал вернуться на Небеса и поквитаться за долгие годы, что провёл в мире людей. Для этого он должен был вернуть бессмертие, которое отобрали у него боги. А сделать это можно было, только лишь вкусив сладкий плод Сянь Тао, персикового дерева бессмертия.

Деревья эти были высажены в храме богини Сиваньму. А храм стоял на вершине священной горы Гуньлунь. Попасть в него могли только те, кому суждено было стать бессмертным. Обратню путь в храм был заказан. Ему нужен был пособник.

Вот поэтому оборотень и обрадовался появлению каменной куницы, поэтому он был необычайно радушен. Он обманом попросил куницу добыть персик Сянь Тао и даже словом не обмолвился о волшебных свойствах этого плода.

Куница приняла слова оборотня-отшельника за чистую воду и отправилась к вершине. Ловко цепляясь за ветки деревьев, пробиралась она всё выше и вот наконец добралась к персиковому саду. Без труда она перемахнула через ограду и взобралась на персиковое дерево.

Куница сорвала самый спелый персик и думала уже было сунуть его за пазуху, а затем повернуть к отшельнику. Но тут её одолело желание самой попробовать сладкий плод. «Только один разок укушу», – решила она.

Стоило кунице вонзить свои зубы в персиковую мякоть, как перед глазами у неё закружилась. От неожиданности она разжала лапы и упала на землю. Соки персика побежали по её телу, проникли в каждую из конечностей и коснулись каждого из чувств. Сама о том не подозревая, куница отведала плод дерева Сянь Тао.

Богиня Сиваньму явилась перед каменной куницей и произнесла такие слова:

– Кто посмел проникнуть в мой божественный сад без ведома?

– Это я, – храбро ответила куница.

– Как прозывается твой род? – спросила богиня Запада.

– Нет у меня рода, – сказала куница.

– Что же, – удивилась богиня, – у тебя ни отца, ни матери не было? Как же тебе удалось на свет появиться? Из-под земли, что ли?

– Каменная скала породила меня, – отвечала куница. – А холодный воздух страны Ауяску первым встретил меня в этом мире.

– Врёшь ты всё, страна Ауяску от нас далеко, за двумя морями.

Куница тогда поведала богине историю своего путешествия.

– Что же, – сказала Сиваньму, – надобно тебе дать прозвище.

– Я царь всех куниц! – гордо выкрикнула куница.

– Что же, похожа ты на символ Тацунь. Но «цунь» означает «голый», а к тебе это совсем не подходит. Так что остаётся «та», что и означает «царь». Есть двенадцать символов, которыми обозначаются имена: гуан, да, чжи, хуэй, чжань, жу, син, хай, ин, у, юань, цзюэ. Назовём тебя Гуан. Полное имя твоё тогда будет Та Гуан.

Куница обрадованно подпрыгнула и воскликнула:

– Какое прекрасное имя!

Чтобы узнать, каким образом куница Та Гуан попала на Небеса и что с ней там произошло, прочтите следующую главу.

Глава вторая

в которой повествуется о том, как Та Гуан попала на Небеса и навела там переполох

Итак, каменная куница пробралась на вершину горы Гуньлунь и угостилась персиками Сянь Тао, которые приносили бессмертие всякому, кто их попробует. А оборотень-отшельник так и сидел в своей хижине на склоне горы и потихоньку закипал от нетерпения.

– Где эта чертова куница шляется! – в сердцах сказал оборотень и пнул полено, едва тлевшее в костре.

Полено от его удара перевернулось, и сноп ярких искр полетел прямо на одеяние оборотня. Раскалённые угольки попали на всклокоченную отшельничью бороду, которая затлела и тотчас же разгорелась пламенем.

С громким криком оборотень упал на землю и стал кататься, пытаясь погасить горящую бороду. В панике он угодил ногами в костёр и крепко обжёг себе пятки. Оборотень завопил во всю глотку не по-человечьи, вскочил на ноги и бросился к ручью, в котором обычно брал воду для питья. Перед глазами оборотня ярко пылала его некогда роскошная борода, и ничего больше видно ему не было. Поэтому оборотень не заметил большого чурбана, который приволокла куница чуть раньше. Благодаря кунице чурбан оказался посреди поляны, и оборотень этого совсем не ожидал.

Со всего размаху ударил оборотень-отшельник по чурбану ногой и попал мизинцем на острый сучок.

– Проклятая куница! – вскричал оборотень, поскользнулся на пролившейся из котла грибной похлёбке и кубарем покатился вниз с горы. Так он хорошо разогнался, что никак не мог остановиться и докатился почти до самого Молчаливого моря, где зарылся в прибрежный песок Жёлтой реки.

Куница Та Гуан тем временем разговаривала с богиней Сиваньму и получила от неё своё имя. Она уже позабыла и про отшельника, и про его просьбы. Даже шум и ругань, которые доносились со склонов горы, не отвлекли куницу от беседы с богиней Запада.

– Скажи мне, о мудрая Сиваньму, – произнесла Та Гуан со всем почтением, – как бы мне попасть на Небеса? Чем я могу заслужить такую почесть?

– Хоть и обрела ты бессмертие, – ответила богиня, – этого недостаточно. Надобно тебе созерцать цветение весенней вишни и созревание зимней хурмы, внимать шороху осенних листьев и журчанию летних рек.

– Сколько же на это нужно времени? – спросила Та Гуан, которой не терпелось оказаться на Небесах и схватить солнце за румяный бок. «Удалось ему перехитрить меня, этому солнцу, – так подумала куница. – Совсем позабыла я о своей главной цели. Но погоди теперь!»

– Триста солнечных дней и три сотни дней проливного дождя, – так ответила богиня Запада.

– А нельзя ли побыстрее?

– Только достойный может попасть на Небеса. А спешка никогда не была признаком большого достоинства, – указала справедливая Сиваньму на широкие штаны куницы Та Гуан.

Но куница не сдавалась. Она спросила:

– Быть может, какой-нибудь ценный дар поможет тебе пересчитать дни побыстрее, о щедрая Сиваньму?

Куница не раз подмечала, как падки люди на сладкие обещания. Но богиня Запада оказалась неподкупной. Предложение Та Гуан её только разозлило.

– Ах ты, негодная куница! – вскричала Сиваньму и взмахнула посохом, на котором зазвенели серебряные кольца.

Куница Та Гуан ловко увернулась от удара и скрылась в листве персикового дерева.

Сиваньму потеряла куницу из виду и решила, что та от страха умчалась прочь. Богиня отряхнула свои одежды и расправила кольца на посохе. Затем она пошла в храмовые помещения, чтобы омыть ноги перед дорогой на Небеса.

А куница осталась на дереве.

Не прошло и часа, как из храма вышли четверо храмовых служек, которые несли на своих плечах глубокую корзину. Они поставили её под персиковым деревом и разошлись по саду. Они отрясали персиковые деревья одно за другим и собирали упавшие на землю спелые плоды.

Та Гуан улучила момент и прыгнула со своего дерева прямо в корзину. Там она прикрылась персиками и замерла в ожидании. А храмовые слуги набрали полную корзину Сянь Тао и понесли её в храм. Там они поклонились богине Запада и возложили корзину прямо на спину небесного дракона. Сиваньму взошла в паланкин, который был закреплён у дракона на спине, и махнула веером. Дракон взмыл вверх и понёсся на Небеса.

На Небесах же происходило вот что. Полным ходом шла подготовка к фестивалю Летнего Равноденствия. Боги, их слуги и прочие небожители собирали дары для Нефритового Императора. Сам Император объезжал Небеса на красном драконе, который был в семь раз больше того, что нёс на спине паланкин Сиваньму. На спине Императорского дракона умещалось пять паланкинов. Нефритового Императора сопровождали четыре Небесных Царя, без которых он не покидал дворец, – Тамонтен, Дзотётен, Дзикокутен и Комокутен.

Младший брат Нефритового Императора, могучий Яньван Умма-ё, объезжал своих лошадей и, как только заметил на горизонте богиню Сиваньму, тотчас же направился к ней.

Надобно сказать, Яньван был без памяти влюблён в богиню Запада, но никак не мог ей в том открыто признаться. Лишь однажды он осмелел и написал для богини любовную песню, но Сиваньму так и не довелось её услышать.

– Приветствую тебя, прекрасная Сиваньму, – так сказал Яньван, и голос его дрогнул.

– Здравствуй, храбрый Яньван, – ответила ему Сиваньму.

Брат Нефритового Императора ей давно нравился, но того больше ей нравился нефритовый скипетр самого Императора. Только медитация на вершине Гуньлунь приоткрыла ей сердце. Но до сей поры Сиваньму не спешила отвечать Яньвану взаимностью.

– Позволь мне сопровождать тебя во дворец, – сказал Яньван.

Он уже придумал, как завоевать расположение богини, и всё для того приготовил.

Нефритовый Император поручил Яньвану следить за порядком на Небесах. Яньван быстро изловил всех оборотней, которые творили бесчинства в Императорском дворце и его окрестностях. Пойманных бесов он заключил в чайные колбы, а колбы убрал в самый дальний чулан. На дверях этого чулана висел огромный замок, а над ним табличка: «Склад солёных анчоусов». Анчоусы на Небесах считались недостойной пищей, поэтому с такой табличкой можно было не беспокоиться, что кому-то взбрѣдет в голову заглянуть внутрь.

Ранним утром Яньван посетил свой чулан и вынес из него одну колбу. В той колбе сидел проказливый огненный бесѣнок. Он приходился внуком огненному богу Кагуцути и в силу малого возраста не мог усидеть на месте. Однажды он убежал от нянек и заскочил прямо в небесные конюшни. Лошади перепугались и разбежались по всему небу. За это Яньван и упрятал бесѣнка в чулан.

Стоило богине Запада отправиться в свой храм за персиками, как Яньвану пришла в голову идея. Он подговорил бесѣнка оказать ему услугу в обмен на освобождение. Бесѣнок должен был притаиться в покоях Сиваньму и дожидаться, откуда богиня не вернѣтся домой.

Тут-то бесёнок и выпрыгнул бы Сиваньму на голову, чтобы устроить пожар. А могучий Яньван как бы случайно оказался бы рядом и спас прекрасную Сиваньму.

Всё шло по плану Императорского брата. Богиня Запада приняла его приглашение, и они направились во дворец. Небесный дракон вёз на спине корзину, полную персиков Сянь Тао. Корзина ёрзала и подпрыгивала. У каменной куницы Та Гуан затекли ноги и чесался кончик хвоста.

– Что это в корзине? – спросил Яньван.

– Персики, – ответила богиня Запада, ничего не подозревая.

Яньван тоже не стал вглядываться. Ему не терпелось поскорее оказаться в покоях своей возлюбленной и спасти её от подстроенного пожара.

Вскоре они добрались до дворца. Небесный дракон опустил корзину с персиками на полированную веранду, поклонился богине и нырнул в карповый пруд. Яньван привязал лошадей и вслед за богиней Запада направился внутрь.

Бесёнок слышал шаги и приготовился к прыжку. От нетерпения искры брызнули из его ушей, окрасив покои богини Запада яркой вспышкой. Богиня Сиваньму в испуге прильнула к Яньвану, который только этого и дожидался. Он приобнял прекрасную богиню за плечи.

Вспышка была такой сильной, что её заметили не только обитатели дворца, но и все, кто был поблизости. Даже Та Гуан, которая до сих пор пряталась в корзине, прищурила глаза.

«Ага, вот оно где ты, солнце», – догадалась куница. Она миг выскользнула из корзины и забралась на крышу дворца. По черепице она пронеслась к покоям богини Запада. Просунула голову в чердачное окно и принялась.

Бесёнок заметил куницу Та Гуан и не на шутку испугался. «Так мы не договаривались!» – подумал он. Бесёнок решил, что Та Гуан прибыла в покои по специальному приказу Яньвана, чтобы не дать ему вернуться к свободной жизни в нарушение уговора.

Тут в спальню вошли Сиваньму и Яньван, который бережно придерживал богиню за плечи.

– Не беспокойся, моя Сиваньму, – так сказал брат Нефритового Императора, а сам довольно покосился на потолок, где притаился огненный бесёнок. – Я уничтожу любого, кто посмеет тебе угрожать.

«Ах так!» – бесёнка обуяла ярость. Его подозрения подтвердились: Яньван обманул бесёнка и прислал своего слугу на перехват. Бесёнок зажмурился и взорвался огненными сполохами во все стороны. Комната наполнилась огнём. Яньвану не оставалось ничего другого, как призвать свои силы и вернуть бесёнка обратно в колбу. К счастью, колба до сих пор была у него в кармане.

Огонь вихрем устремился в колбу, которую Яньван поднял над головой. Через мгновение в комнате больше не осталось пламени, только колба светилась огненным шаром в руке Яньвана. Колба не ускользнула от взора куницы.

– Этот могущественный бог изловил солнце прежде меня, – тихонько прошептала куница. Никто её не услышал. Богиня Сиваньму без чувств повалилась на подушки, а раздосадованный Яньван направился в свой чулан. Его план провалился. Вместо небольшой суматохи он чуть было не устроил пожар.

«В следующий раз придумаю что-нибудь понадежней», – с этими мыслями Яньван отпер большой амбарный замок, над которым висела табличка «Склад анчоусов». Никаких анчоусов внутри не было. На запыленных полках ровными рядами стояли стеклянные колбы всевозможных форм и размеров.

Яньван достал из кармана колбу с огненным бесёнком. В чулане стало светло. Яньван недовольно поморщился и накинул на колбу шёлковую тряпицу, вернув чулану прежнюю полу-

тму. Он поставил колбу на ту же полку, откуда и взял её не далее, как утром. Затем Яньван развернулся и вышел, крепко заперев за собой дверь.

Куница Та Гуан всё это хорошо видела. Перепрыгивая с одной потолочной балки на другую, она неслышно проследовала за Яньваном. Та Гуан видела, как брат Нефритового Императора вошёл в чулан. Видела она и свет, которым наполнился чулан, как только Яньван оказался внутри.

Яньван отправился за своими лошадьми, на ходу придумывая новый план обольщения Сиваньму. А каменная куница белкой спустилась с потолка и подскочила к двери.

«Зачем он поместил солнце в чулан с анчоусами?» – такой вопрос задала себе Та Гуан, взглянув на табличку. Она догадалась, что никаких анчоусов внутри чулана нет. Глаза куницы загорелись любопытством. «А вдруг там не одно солнце, а целая солнечная батарея? Вот обрадуются мои подданные, когда я принесу им не одно, а сразу триста солнц. Или хотя бы семь», – такие планы возникли у Та Гуан в голове. Планам этим не суждено было исполниться.

Но не будем забегать вперёд.

Та Гуан попыталась открыть дверь в чулан, но большой амбарный замок этого ей не позволил. Он лишь надменно покачивался в ответ на все попытки Та Гуан его отомкнуть.

Тогда каменная куница решила выкрасть ключи у того могучего бога, который владел этим чуланом. Она вновь забралась на крышу и побежала искать Яньвана.

Яньван тем временем отвёл коней в стойло и завёл такой разговор с конюшим:

– Хорошенько следи за моими конями. Накорми их и вычеши им гриву.

Конюший давно служил в Императорском дворце и хорошо знал, как сильно Яньван любит своих лошадей. Он хорошо помнил, в какую ярость пришёл брат Нефритового Императора, когда в конюшне поднялся огненный переполох. Поэтому он произнёс:

– Непременно, великий Яньван, пусть всегда будут черны твои волосы. Можешь быть покоен за своих коней. Я хорошенько за ними прослежу. И уж, конечно, не допущу внутрь и малейшего огонька.

Эти слова услышала куница, которая уже сидела под самой крышей Императорской конюшни. Она ничего не знала о проказах огненного бесёнка, но ей и знать того было не надобно. Со слов конюшего Та Гуан поняла, что пожар в конюшне будет Яньвану поперёк течения дел.

Сам Яньван, успокоенный конюшим, отправился в покои передохнуть. Он уселся на богато расшитый золотом стул и снял чёрную кожаную броню. Расчесал свои длинные волосы и заплёл их в две косицы. Посмотрел на себя в зеркало и остался доволен. Никто не мог услышать Яньвана в его покоях, поэтому он сказал вслух:

– Какой же ты всё-таки красавец, Яньван Умма-ё! Почему глупой Сиваньму этого никак не понять?

За спиной Яньвана раздалось покашливание. Богу тут же стало стыдно за то, что он так громко себя похвалил. И за то, что прозвал богиню Запада глупой. Он спрятал смущение и быстро обернулся.

Перед ним предстал храмовый служка, которого Яньван прежде никогда не видел. На слуге были шаровары с красным поясом и лёгкая куртка без рукавов. Руки, ноги и даже лицо слуги покрывала золотистая шерсть. Глаза храмового служки были широко распахнуты от ужаса. Он пролепетал:

– О, могущественный! Беда в твоей конюшне!

Яньван схватился за свой кожаный доспех. Пальцы чуть не порвали чёрную кожу. Он грозно посмотрел на храмового служку. Тот затрясся пуще прежнего и затараторил:

– Пожар! Случился пожар в конюшне! Кони горят! По конюшне мечутся! И шерсть горит у них на спинах, и хвосты полыхают пламенем!

Бросил тут Яньван всё и помчался на конюшню.

А храмовый служка вмиг расстался со своим испугом. Ведь никакого пожара в конюшне не было. Да и сам храмовый служка был ненастоящий. Это была каменная куница Та Гуан, которая провела самого брата Нефритового Императора.

Она схватила связку ключей, которые Яньван оставил подле зеркала. Крутя от радости хвостом, Та Гуан поскакала к чулану.

Чтобы узнать, что случилось с куницей в чулане Яньвана, читайте следующую главу.

Глава третья

в которой повествуется о том, как из-за куницы Та Гуан начался Великий Шторм, и о том, как брат Нефритового Императора спас богов от гибели

Итак, куница Та Гуан хитростью завладела ключами от чулана, где охранитель Императорского дворца запер пойманных им бесов-оборотней. Не больше и не меньше, чем три сотни колб из волшебного чайного стекла было в том чулане. И в каждой из колб сидел оборотень.

Покуда Императорский охранитель Яньван Умма-ё сломя голову мчался к своим лошадям, куница проследовала к чулану и отперла дверь. Двумя руками она сняла тяжёлый замок и прислонила его к дверному косяку. После чего Та Гуан проскользнула внутрь и закрыла за собой дверь.

В чулане царила полутьма. Полоски света пробивались внутрь через щели в стенах и освещали высокие шкафы, где рядами стояли колбы. Некоторые из колб были накрыты плотными тряпицами, из-под которых пробивалось тёплое мерцание оранжевых и небесно-голубых оттенков. Но в большинстве колб едва-едва теплились тёмно-синий, глубокий зелёный и бордовый цвета. В колбах этих были заточены самые опасные оборотни, которые вобрали в себя истинные корни зла: невежество, гневливость и жадность. Много лет Яньван отвёл на то, чтобы очистить Императорский дворец и его окрестности от армии бесов.

Кунице Та Гуан об этом было неизвестно. Её интересовало только солнце, которое большой черноволосый бог спрятал в чулане.

Одна из колб на самой верхней полке простреливала ярко-оранжевым светом сквозь плотную ткань. «Вот оно, солнце!» – решила Та Гуан. Она подпрыгнула что было сил, но до полки не достала. Куницу это нимало не расхолодило. Со всей возможной куньей ловкостью она вскарабкалась по полкам.

Оказавшись на самой верхотуре, куница сдёрнула покрывало с колбы, в которую Яньван запер огненного бесёнка. Яркий свет брызнул во все стороны.

Довольная Та Гуан взяла светящуюся колбу в руки. Стекло покалывало пальцы, словно пыталось залезть под кожу кунице и поселиться под её золотистым мехом.

«Уж теперь-то ни одна другая куница не сможет мне перечить!» – радостно заключила куница Та Гуан. Свободной рукой она распахнула курточку, чтобы убрать солнечный шар за пазуху.

Но этого ей сделать не удалось, потому что куницу настигла та же самая неудача, что немногим раньше добралась и до Яньвана.

Вот как это произошло.

Черноволосый брат Нефритового Императора выскочил из своих покоев, как только услышал весть о пожаре на конюшнях. В спешке он позабыл про свою связку ключей – на что и рассчитывала куница Та Гуан. Позабыл он и про свой чёрный доспех, и про только что заплетённые косицы.

Со всех ног мчался Яньван по коридорам дворца. Косы его не выдержали и расплелись, длинные чёрные волосы развевались за спиной как злое пламя. Придворные в ужасе бросались прочь с его пути. Лишь однажды они видели Яньвана столь же встревоженным. Было это в тот самый раз, когда Императорские конюшни охватил пожар.

В одно мгновение ока Яньван добрался до конюшни. Он даже не обратил внимания, что и самого крошечного дымка не поднималось над крышами. Яньвана беспокоили только его кони.

Тяжёлая деревянная дверь с грохотом вылетела с петель и рухнула в пруд, чуть не придавив собой водного каппу, который высунул морду на поднявшийся шум. Яньван заскочил в конюшню и заорал:

– Пожар!

Конюший, который только-только распряг последнего коня, побелел. Как и все во дворце, он знал историю с пожаром. Была ему известна и печальная участь прошлого конюшего, который был разжалован в помощники дворцового подметальщика.

Конюший схватил ведро с водой и резко обернулся на крик.

Он увидел перед собой чёрный, развевающийся во все стороны дым. Не раздумывая, конюший с размаху выплеснул всю воду из ведра и зажмурился, чтобы дым не попал ему в глаза.

– Как ты посмел! – раздался громовой голос.

Конюший осторожно приоткрыл глаза. Ни дыма, ни пламени, ни даже самой маленькой искорки он не увидел. Это его немного успокоило. Он решил, что вовремя успел загасить пожар. Но затем конюший увидел прямо перед собой самого охранителя Императорского дворца, из ушей которого тонкими зелёными струйками дыма поднималась ярость. Длинные чёрные волосы висели мокрыми паклями. По лицу и одежде Яньвана стекали струи воды, в ногах его была грязная лужа.

Конюший задрожал как осиновый лист и упал в ноги небесному охранителю. Он взмолился:

– Помилуй меня, о справедливейший из жителей Небес! Рьяность услужить – вот в чём единственная моя вина! Так я торопился побороть пожар, что и не заметил твоего появления.

Яньван в ответ замахнулся и дал конюшему такую крепкую пощёчину, что тот вылетел из конюшни, прокатился по всему двору и угодил в пруд, придавив собой любопытного водяного каппу.

Рассерженный каппа набрал полный рот воды и выдул её в распахнутые двери конюшни. Если и оставалось на Яньване сухое место, то теперь и оно промокло. Холодный душ остудил охранителя Императорского дворца. Яростный гнев покинул его разум.

Яньван оглядел конюшню и успокоился. Кони были распряжены, сбруя убрана, ни одного сполоха пламени видно не было. «Должно быть, вовремя справился конюший с пожаром, – порешил Яньван. – Пожалую за это ему новую должность». Он стряхнул остатки воды со своего лица, отжал волосы, вышел на улицу и промолвил:

– За службу твою, конюший, произвожу тебя в смотрители моей оружейной.

Оружейная у Яньвана была побольше его покоев, и требовалось немало слуг, чтобы за ней приглядывать. А место смотрителя было среди них самым почётным. И уж куда почётней любой из конюших должностей. Так что бывший конюший, а теперешний смотритель оружейной возликовал и стал благодарить своего повелителя:

– Спасибо тебе, наищедрейший Яньван! Уж я-то вас никогда не подведу, можете на меня положиться. Немедля отправлюсь на новый пост!

И он поспешил в оружейную. Надобно сказать, что оружейная комната Императорского дворца находилась в том же крыле, что и чулан, который служил пойманным оборотням тюрьмой. Потому не было ничего удивительного в том, что свежее выпеченный смотритель оружейной проходил мимо чулана, в котором уже хозяйничала Та Гуан.

К несчастью для куницы, был у смотрителя один тайный интерес. Никому конюший не признавался, что самым его любимым лакомством были анчоусы. От прочих слуг он прознал о существовании тайного склада, но сам до сей поры никогда его не видел.

И вот теперь, исполненный радостью, бывший конюший приметил заветную табличку на двери. Будь он в другом расположении духа и будь дверь заперта, ни за что бы конюший не

подошёл к чулану. Но теперь-то он был назначен оружейным смотрителем и был чрезвычайно тому рад, ну а замок от чулана лежал на полу.

Не веря своему счастью, смотритель подошёл к самой двери. В этот самый момент в чулане что-то полыхнуло так, что лучи света вылетели из всех щелей.

Смотритель оружейной тут же распахнул дверь настежь.

Куница Та Гуан и смотритель оружейной уставились друг на друга. Первым опомнился смотритель и вскричал:

– Воры! Воры во дворце! Похитители анчоусов!

Та Гуан решила бежать. Она ловко перепрыгнула с одного шкафа на другой. Оставалось перепрыгнуть через невысокого прислужника, и была бы куница такова. Но смотритель оружейной уже оправился от шока и сам бросился на куницу. Ей пришлось отступить вглубь чулана.

Руки смотрителя схватили воздух там, где только что развевались шаровары Та Гуан. Смотритель потерял равновесие, схватился за шкаф и вывалил на него весь свой вес. Шкаф закрипел и накренился. Чайные колбы покатались по полкам.

Шкаф накренился ещё сильнее и с грохотом обрушился на соседний – тот, что стоял позади. На верхней полке там сидела куница Та Гуан, которая крепко сжимала в руках светящуюся колбу с бесёнком внутри.

Содержимое шкафов посыпалось на пол. Тонкое заговоренное стекло ударялось о деревянные доски, осколки летели во все стороны. Оборотни выскакивали наружу клубами разноцветного дыма. Те, кому удалось освободиться, хватали уцелевшие колбы, чтобы вызволить своих товарищей из плена.

Не успел смотритель оружейной сосчитать до семи, как в чулане не осталось ни одного оборотня. В чулане осталась только куница Та Гуан с последней светящейся колбой.

«Спасу хотя бы эту, – подумал смотритель. – Быть может, Яньван меня пощадит». И он прыгнул на куницу. Та Гуан перескочила через его голову, но смотрителю удалось-таки ухватить широкую кунью штанину. Со всего размаху куница ударилась о дощатый пол и разбила последнюю драгоценную колбу.

Огненный бесёнок второй раз за день оказался на свободе. Одним дыханием он поджёг поваленные шкафы и выскочил наружу. Куница же высвободилась из шаровар, оставив смотрителя оружейной без добычи. Размахивая пушистым хвостом, Та Гуан бросилась в погоню за бесёнком.

Во дворце тем временем творился настоящий хаос. Оборотни хватили слуг, придворных и самих небожителей. Наиболее голодные бесы тут же пожирали свою добычу. Самые смекалистые оборачивались небожителями и в притворной панике носились по дворцу. Немалое количество бесов отправились на землю, где немедля разразилась такая буря, которой триста лет никто не видел. Небо заволочили тёмные тучи всех оттенков. Из туч стали бить молнии, поражая самые благополучные людские города. Даже Вечный океан расчесали бесы-оборотни против шерсти, и гигантские волны обрушились на некогда мирные берега.

Словно этого было мало, бесы-оборотни набросились на людей. Вмиг они подмяли под себя крупнейшие в мире царства и начали истреблять человеческий род. Оголодавшие оборотни проглатывали целые деревни, и от этого им только больше хотелось есть.

Люди призывали богов прийти им на помощь, но богам и самим приходилось несладко.

Охвативший людскую землю шторм добрался и до Небес. Даже Нефритовый Император и его четыре Небесных Царя не могли одолеть такую армию бесов. Разозлился Нефритовый Император на Яньвана, поставленного охранять Небеса от бесов, и обратил на него свой гнев. Он вскричал:

– Недостойный брат! Всё это твоя вина!

Ну а сам Яньван никак не мог понять, что происходит. Оборотней, которые бросались на него, он легко раскидывал в стороны, но противников его становилось всё больше. Яньван

заметил дым, поднимающийся над тем крылом, где был его чулан с демонами, и ему всё стало ясно. Он крикнул:

– Кагуцути! Смотри, что наделал твой внук!

Огненный бог Кагуцути в это время сидел в своих покоях и боялся нос высунуть. Оборотни окружили его со всех сторон. Поэтому он ничем не мог помочь Яньвану.

Яньван же, установив причину беспорядка, ринулся к чулану.

Огненный бесёнок оказался заперт промеж двух водопадов. С одной стороны на него бежал разъярённый Яньван, с волос которого до сих пор во все стороны летела вода. С другой же стороны его настигала куница Та Гуан.

Огненный бесёнок прикинул и выбрал из двух зол самое маленькое по размеру. Он развернулся и набросился на куницу. Та Гуан схватила бесёнка за уши, и они оба выкатились на лужайку. Бесёнок надеялся обжечь куницу и таким образом освободиться, а Та Гуан ни за что не отпускала солнце, ради которого ей уже столько пришлось вытерпеть. Когда Яньван добежал до лужайки, бесёнок и куница сплелись в один оранжевый клубок, из которого летели искры и шерсть.

Яньван схватился за свой пояс, но там было пусто. Зачарованные колбы да и остальное его вооружение – всё осталось в покоях вместе с доспехами. А медлить было нельзя. Он зажмурился и выдернул жёсткий волосок из своей левой ноздри, чуть было не чихнув. Подул на него, и волосок превратился в упругую дубинку.

Со всего размаху Яньван обрушил дубинку на проказника-беса, заклиная его волшебными словами. Дубинка ударила бесёнка по плечу, а затем отскочила в голову кунице Та Гуан. Заклятье Яньвана схватило обоих и заперло в дубинке, которая налилась золотом и зазвенела.

Куница Та Гуан наконец поняла, что в руках у неё было никакое не солнце, а всего лишь бесёнок. Но было уже поздно. Вместе с бесёнком Та Гуан оказалась в золочёной тюрьме волшебной дубинки Яньвана.

Он взмахнул своей дубинкой ещё раз, и она увеличилась в размерах, став посохом длиною в семь локтей. Охранитель Императорского дворца бросился разгонять бушующих бесов.

Сам Нефритовый Император смотрел на это со своего большого красного дракона. Бесы не могли дотянуться до него, и он чувствовал себя в полной безопасности. Вместе с четырьмя Небесными Царями он выжидал, чем закончится битва на Небесах.

Оборотни призывали своих собратьев из самых дальних уголков мира, и вскоре Небеса кишмя кишели бесами всех мастей. Яньван не мог их более сдерживать, и волна бесов хлынула в покои, где сидели перепуганные боги. Боги один за другим выскакивали из Императорского дворца и мчались к своим Небесным кораблям. Последним отступал Яньван.

Наконец все боги погрузились на корабли и отчалили, направляясь подальше от населённого бесами мира. Яньван остался один. Он крикнул Нефритовому Императору:

– Брат, заведи меня отсюда!

Но в этот момент со всех сторон набросились на Яньвана оборотни и разорвали его на мелкие кусочки. Горько заплакал тут Нефритовый Император, но ничего поделать было уже нельзя. А посох, в который была заточена куница Та Гуан, провалился сквозь Небеса и со звоном упал в людской мир.

Чтобы узнать, что же в это время творилось с людьми и как они смогли устоять перед напором бесов, читайте следующую главу.

Глава четвёртая

в которой повествуется о том, как семь богов удачи повернули свой Небесный корабль вспять, а также о том, как появился на свет мальчик по имени Хацуюки

Итак, все боги и небожители погрузились в свои Небесные корабли и отправились куда подальше. Ну а людям ничего не оставалось делать, как смириться со своей судьбой. Обратни, которые спустились на землю, жгли и разоряли людские дома. Они охотились на людей, ловили их и сжигали на месте. Особенности гурманы волокли свою добычу в логово и там приготавливали, щедро сдобрив приправами и кореньями. Грудные младенцы были самой лакомой их пищей. Стоило оставить младенца без присмотра, как тут же являлись бесплотные духи-ёкаи и утаскивали ребёнка в логово обратней.

Люди не знали, что им делать, и потому стали неистово молиться всем богам, которых только знали, в спешке вспоминая тех, что были забыты. Но боги были уже далеко на своих Небесных кораблях и человеческих молитв не слышали.

Слышал их только Нефритовый Император. Людских страданий он выдержать не смог, подхлестнул своего дракона и помчался вслед богам. Он умолял их вернуться на Небеса, но только семь богов удачи согласились. Эбису, Дайкоку, Бисямон, Бэндзайтен, Фукурокудзю, Хотэй и Дзюродзин повернули свой Небесный корабль вспять.

Боги вручили Нефритовому Императору семена удачи, которые должны были защитить людей.

Триста бездонных мешков погрузил Нефритовый Император на своего дракона и спустился на землю. Один за другим он посетил горные монастыри и встретился с каждым настоятелем.

Император взял с монастырём такой обет: каждому монастырю достался большой мешок семян удачи, и монахи должны были посеять эти семена посреди людей. Всякому, кто приходил в монастырь, должно быть даровано волшебное семя.

Взамен Нефритовый Император потребовал только одного: чтобы монахи позволили небожителям поселиться в их молитвах. Ведь лишь самая малая толика небожителей поместилась на корабли вместе с богами. А сами Небеса оказались в руинах после шторма, который подняли бесы.

Все триста монастырём согласились на условия Нефритового Императора, и тот испытал великое облегчение. И люди, и небожители получили средства к спасению.

Небожителям привольно жилось в монашеских молитвах, людей же по-прежнему притесняли обратни. Они больше не могли просто так хватать людей, но даже всей силы богов удачи оказалось недостаточно.

Дарованные людям семена прорастали в человеческом разуме. Обратни больше не могли морочить им головы. Но в животе каждого человека по-прежнему таились корни зла: невежество, гневливость и жадность. Стоило только одному из этих корней присосаться к слабому ростку удачи, как человеком в тот же момент овладевал бес.

И вот однажды такое произошло с одним из князей, которые управляли провинциями Итаяинду. Звали этого князя Бао Гунь, а провинция его прозывалась княжеством Четырёх Рек. Осматривая владения, он заметил прекрасную девушку, которая купалась в горном ручье. Кожа этой девушки была белой, словно рисовая бумага, а волосы струились золотом по обнажённым плечам.

Князя обуяла жадная страсть, с которой он не мог совладать. Над его головой поднялся розовый пар. Князь крикнул:

– Кто ты, прекрасная дева! И почему ты купаешься в моём ручье!

Девушка повернулась к нему и приподняла ресницы, из-под которых блеснули изумруды глаз.

– Имя мне Гу Цинь, а купаюсь я для того, чтобы смыть с ног дорожную пыль.

Разъярился князь от того, что к нему не выказали должного уважения. Зелёный дым тонкой струйкой разбавил розовое облако жадной страсти. Князь приказал своим слугам схватить девушку и доставить её к себе во дворец.

Девушка не сопротивлялась. Когда её проводили мимо княжеского коня, она легонько коснулась сбруи и прошептала заклинание. Князем с того момента окончательно завладели бесы, которых он пробудил своими страстями.

По прибытии во дворец князь повелел устроить Гу Цинь торжественный приём, обрядил в лучшие одежды и посадил рядом с собой. Он спросил:

– Прекрасная Гу Цинь, согласна ли ты быть моей женой?

Гу Цинь покраснела от смущения и согласилась.

Свадьбу сыграли в ту же неделю. Медовый месяц начался, но всё чаще князь находил свою супругу в слезах. Князь попытался вызнать их причину:

– Жена моя, откуда родом твоя печаль?

– О мой царственный муж, – отвечала ему Гу Цинь, теперь уже со всем уважением, – меня терзают воспоминания.

Гу Цинь поведала ему, что ещё во младенчестве с ней произошло страшное горе: их родную деревню разорили бесы-оборотни. Не осталось ни одного целого камешка. А всех жителей оборотни утащили в своё логово. Только Гу Цинь удалось спастись.

Случилось это потому, что монахи из монастыря Остроконечных Пиков стали бахвалиться победами, которые они якобы одержали над воинством бесов-оборотней. На деле же никаких побед не было. Наглая ложь так разозлила бесов, что они стали нападать на все деревни в округе.

– Вот наглецы! – вскричал Бао Гунь, переполняемый яростью. – Что же стало с монахами? Поплатились они за своё бахвальство?

– Нет, – тихо ответила Гу Цинь, и слёзы покрыли её изумрудные глаза. – Бесам не удалось добраться до монастыря. Монахи до сих пор над ними потешаются.

– Как они посмели! – не мог стерпеть Бао Гунь праведного гнева. – Не грусти, прекрасная Гу Цинь. Я отомщу за твоих родичей.

Тотчас же собрал Бао Гунь немалое воинство и повёл его к Остроконечным Пикам. Немалое расстояние пришлось преодолеть воинам Бао Гуня. Пересекли они своё княжество, и ещё две провинции им пришлось преодолеть, заручившись поддержкой их правителей. Немало сокровищ покинуло казну Четырёх Рек во время этого похода.

Наконец Бао Гунь добрался до Остроконечных Пиков. С большим трудом, но всё же удалось князю Четырёх Рек и его воинам взобраться по отвесным скалам. Чёрный дым поднялся над монастырём. Монахи получили по заслугам.

А князь вернулся в свой дворец. Там его встретила печальная новость. В то время как Бао Гунь воевал с монахами, чёрный недуг напал на его прекрасную жену. И когда правитель княжества Четырёх Рек вернулся, его дворец был уже пуст. Красные траурные цвета встречали князя.

Шесть лет горевал князь. Отсылал прочь всех, кто предлагал ему жениться заново. И только на седьмой год встретил князь прелестную Сю Дзинь, дочь правителя Круйтепа. Отец Сю Дзинь и князь заключили торговый союз и скрепили его свадьбой.

Родила Сю Дзинь князю сына, наречённого Бао Чжу за то, что был он упитанным с первых своих дней. Сын этот повзрослел и получил в наследство титул, а также жадность, которая так и не покинула его отца.

Оказался Бао Чжу чванлив и голоден до похвалы. Взятничество процветало в княжестве Четырёх Рек под его управлением. Со всех сторон приезжали купцы и привозили Бао Чжу дары.

Больше прочих даров князь любил статуи с крупными драгоценными камнями вместо глаз. Накопился у него таких статуй целый сад. Бао Чжу любил бродить по этому саду, а ещё больше любил хвастаться статуями перед каждым важным гостем.

И вот однажды в его замок пожаловал сам принц из страны Голубых Цветов. Страна эта была расположена далеко на западе, дальше даже бесконечных песков Аугаитану. Бао Чжу слышал о несметных богатствах страны Голубых Цветов.

Принц был роскошно одет, его длинные волосы были аккуратно расчёсаны, а на щеке виднелась благородная родинка. На пальцах принца поблёскивали золотые перстни.

«Мы здесь тоже не виноградной лозой вышиты», – так подумал Бао Чжу и сказал принцу:

– Пока мы коротаем время между вторым и третьим обедом, позвольте показать вам пару безделушек.

И под этим предлогом Бао Чжу завёл принца в свой сад. Принц тут же ахнул и принялся расспрашивать князя Четырёх Рек о каждой статуе и о каждом драгоценном камне. Бао Чжу аж зарделся от гордости.

Так они обошли весь сад и уселись в беседку, чтобы продолжить разговор о сходствах и различиях двух стран. Им тут же принесли травяной чай и печенья.

Прежде чем мы узнаем, о чём говорили князь Четырёх Рек и принц Голубых Цветов, нам следует обратить внимание на другую часть Итаюинду и узнать, как на свет появился Такуан из Кото, великий обманщик и плут.

Некоторое время назад в деревне Кото родился ничем не примечательный младенец. Деревня эта стояла аккуратно на границе княжества Четырёх Рек и провинции Парчовой Горы.

Родился мальчик в семье кузнеца по имени Цунь и первые годы своей жизни ничем не отличался от сверстников. Разве что порой мелькала в его глазах какая-то особенная хитрость. Назвали мальчика Хацукой, что означало «плод материнской любви». Немногим позже в семье кузнеца родилась девочка, которая тоже вышла любопытной, но всё же до Хацукой ей было далеко.

И вот мальчик дорос до возраста, когда он уже мог работать вместе с отцом в кузнице. Однообразная работа ему быстро надоела, и он стал искать способов себя развлечь.

Однажды кузнец проснулся, позавтракал и взялся за работу. Хацукой нигде видно не было. Кузнец вздохнул, разжёг огонь в горне и взялся за меха, чтобы хорошенько раздуть пламя. Хотел он свести рукоятки мехов одной рукой, как делал это обычно по триста раз на дню, но меха его не послушались. Тогда кузнец двумя руками взялся за меха и что есть силы сдавил их.

Меха заскрипели, и кузнец сдавил ещё сильнее. Раздался громкий хлопок. Из выдува мехов с огромной скоростью вылетела картофелина и зарылась в насыпанные в горне угли. Искры и пепел полетели во все стороны. Чёрная гарь покрыла кузнеца с ног до головы. Из кустов раздался залиvistый смех.

– Ах ты негодник! – вскричал кузнец и бросился ловить сына.

Но тот ловко увернулся и убежал на деревенский рынок. Кузнец вздохнул и принялся за работу.

На рынке Хацукой устроил ещё одну проказу. Он схватил с прилавка большую зелёную дыню-кивано и бросился наутёк.

– Вор, держи его! – закричал торговец и выскочил следом.

Прохожие попытались схватить мальчика, но тот оказался ловчей. Он промчался по улице и скрылся в подворотне. Там он подменил дыню на срезанный заранее пустынный кактус с длинными острыми иглами. И тотчас же выскочил обратно на улицу.

Торговец уже был совсем близко. Тогда Хацукой крикнул:

– Извини, почтенный! Держи свою дыню! – С этими словами Хацукой бросил кактус торговцу. Тот, конечно, протянул руки навстречу, и острые иглы глубоко вонзились ему в ладони. Торговец истошно заорал и остановился. Одну за другой он выдирает длинные иглы и каждый раз вскрикивал. Про мальчика он и вовсе позабыл.

А сам Хацукой вернулся в подворотню и достал добытую дыню. Он был очень доволен своей проделкой.

Мальчик расколол дыню пополам и собрался ею пообедать. Но ему это не удалось. Внезапно кто-то схватил его за ухо и приподнял. Это был местный староста. Он сказал такие слова:

– Опять твои проделки! Ты словно каменная куница, из-за которой начался Великий Шторм. Не Хацукой тебя следовало назвать, а Та Гуан!

Мальчику прозвище пришлось по душе. Из небесных жителей именно каменная куница ему нравилась больше прочих.

Староста меж тем не намеревался отпускать Хацукой просто так. Он промолвил:

– Пусть отец выплет тебе хорошенько! Пойдём к нему. И не вздумай бежать, а не то опять в подвале тебя запру.

Хацукой уже однажды побывал в тёмном мокром подвале, и снова попадать туда ему не хотелось. Поэтому он послушно поплёлся домой. Деревенский староста шёл следом.

Тут Хацукой понял, что дыня-кивано осталась у него в руках. И старосте она была не видна. И плуту в голову пришла идея.

Он громко чихнул и затем наклонился вперёд, чтобы вытереть соплю рукавом. Сделав так, он вонзился зубами в сладкую мякоть дыни. Староста услышал чавкающий звук, но подумал, что у Хацукой всего лишь крепкий насморк.

Хацукой увидел, что план его удался, и продолжил чихать, всякий раз утираясь рукавом. К тому моменту, когда они со старостой добрались до кузни, никакой дыни в руках Хацукой не осталось.

– Эй, Цунь! – громко крикнул староста. – Сын твой беспутёвый опять бедокурит.

– Что опять? – спросил кузнец.

Он отложил молот и повернулся к старосте. На лице кузнеца всё ещё чернели пятна копоти.

– Что с тобой? – удивился этому староста. – Не заболел часом? Вон и сын твой чихает всюю.

Всякие болезни ходили по стране, и деревенскому старосте вовсе не хотелось запираить жителей по домам. А другого пути остановить чёрную болезнь не было.

Кузнецу было стыдно признаваться, что он попался на удочку сына, поэтому он соврал:

– Неполадки с мехами, вот копоть и налетела. Что там Хацукой натворил опять?

– Украл дыню на рынке, – сказал староста.

– Какую дыню?

– Я не крал! – выкрикнул Хацукой обиженным голосом. – Посмотри!

И мальчик протянул отцу пустые руки. Но второй раз за день кузнеца провести не удалось. Он так и сказал:

– Ну нет, ты меня второй раз не проведёшь.

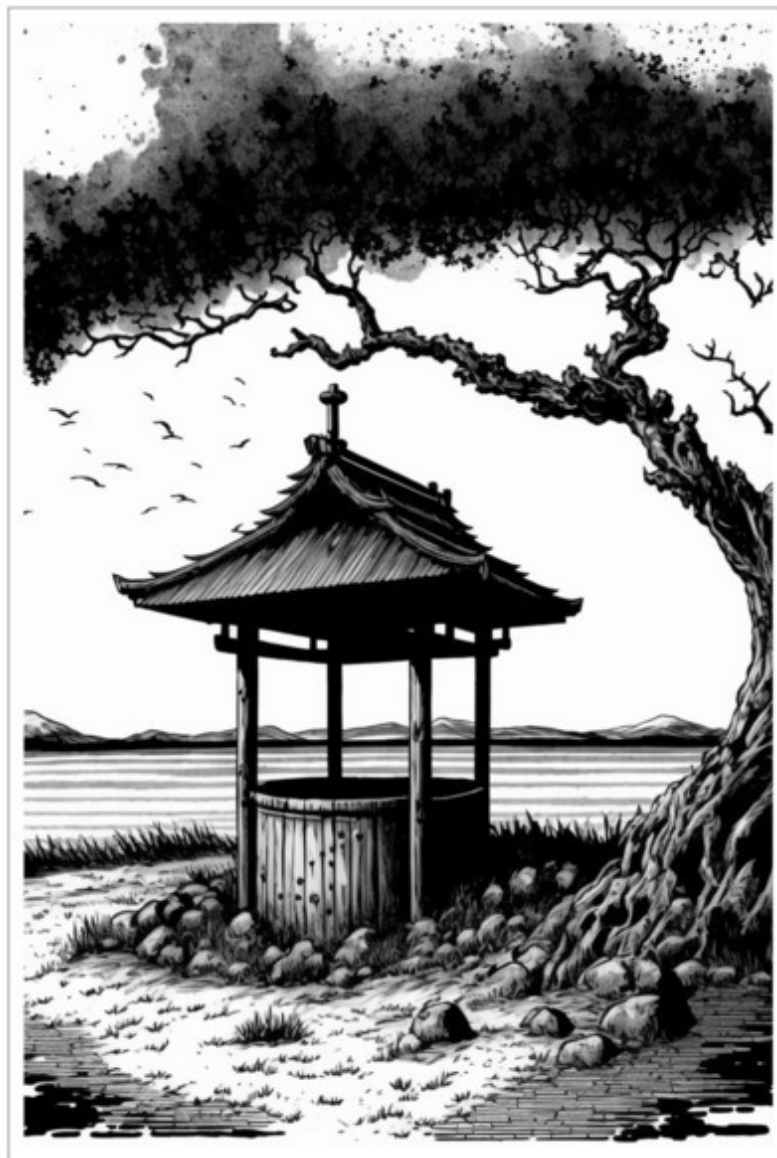
Кузнец хорошенько всыпал Хацукой и потом ушёл на рынок, чтобы извиниться перед торговцем и деньгами возместить украденную дыню.

А Хацукой подтянул штаны и утёр слёзы. Подолгу он никогда не расстраивался. Неудача его только раззадорила.

Одно только усвоил Хацукой из сегодняшнего урока: в деревне ему больше проказничать не стоит. Случись какой переполох, он первым окажется под подозрением.

Поэтому Хацукой вышел из деревни и отправился по дороге, которая вела в княжество Четырёх Рек.

Чтобы узнать, кто встретился на пути Хацукой и чем это для него обернулось, читайте следующую главу.

Глава пятая

в которой повествуется о том, как Хацукой обвёл княжеского наместника вокруг пальца, а также о том, как люди поплатились за свою корысть

Итак, Хацукой сбежал из родной деревни и отправился на поиски приключений.

Не успев далеко зайти, он встретил глубокий колодец. Выложенный из брёвен сруб располагался под высоким навесом, защищавшим колодец и от жаркого солнца, и от проливных дождей. Хацукой забрался на самую верхотуру и посмотрел вперёд.

На горизонте появилось небольшое облачко. Навстречу Хацукой скакали всадники. Лошади были недёшевы, и в родной деревне Хацукой они редко появлялись. Мальчик смекнул, что всадники – люди обеспеченные. Он стал придумывать, как бы их обхитрить.

Пока он размышлял, всадники добрались до колодца. Было их семеро: княжий наместник по имени Ту Фанг, его сводный брат и пятеро охотников. Братья Ту выехали на соколиную охоту, но за весь день так ничего и не поймали, поэтому настроение у них было как у жабы в засушливый день.

Наместник Ту Фанг первым заметил Хацукой, который лежал на крыше колодца, свесив голову.

– Что это ты там делаешь? – спросил он.

– Да так, – нехотя ответил Хацукой. – Смотрю, есть ли дно у колодца.

Ту Фангу показалось это подозрительным. Кому вообще нужно у колодца дно искать? Тем более лёжа на крыше.

– Ну-ка слазь! – крикнул Ту Фанг.

– А вот и не слезу!

– Слезай подобру-поздорову, а не то мои охотники тебя стрелой снимут.

На такие вежливые уговоры Хацукой поддался и неторопливо слез на землю. Ту Фанг махнул одному охотнику, и тот немедленно схватил Хацукой за шкуру.

– Ай! Чего ты! – заорал Хацукой, но было поздно. Крепко держал его охотник.

– Признавайся, что там в колодце, – затребовал Ту Фанг. – Тогда, может, и отпущу тебя. Хацукой задрожал словно заросли бамбука в ураган. Он сказал:

– Я видел...

– Что ты видел? – нетерпеливо перебил его Ту Фанг.

– Видел, как один вор здесь добычу спрятал.

– Добычу? – Ту Фанг переглянулся со своим братом.

Надо сказать, что в наместниках редко ходили бескорыстные люди. Вот и Ту Фанг только о том думал, как свою жадность накормить. А брат его, которого звали Ту Ливей, был горошиной из того же стручка. Так что братьям в голову пришла одна мысль. На неё-то Хацукой и рассчитывал.

– Целый мешок всякой всячины, – уверенно сказал он. – Если с крыши посмотреть, видно, как золото на дне блестит.

Ту Фанг спешил, подошёл к колодцу и заглянул внутрь. В колодце было темно, где-то далеко внизу плескалась вода.

– Врёшь ты всё! Ничего не блестит.

– Ей-богу, не вру, господин! Это из-за крыши, она свет загораживает. Сверху отлично всё видно.

– Ну что же, – рассудил Ту Фанг. – Раз колодец этот стоит в поле, а поле принадлежит князю Четырёх Рек, а я здесь его наместник, вот и значит это, что и всё в колодце тоже моё. Верно, брат Ливей?

– Но мы же вместе колодец нашли, брат Фанг, – ответил ему корыстный брат.

Понял Ту Фанг, что придётся добычу разделить. Но делать было нечего. Он крикнул охотникам:

– Эй, доставай верёвку!

Охотники размотали длинную верёвку и привязали её к одному из деревянных столбов, на которых держалась крыша.

– Полезай в колодец, – повелел Ту Фанг, а Хацукой только того и надо было. Он соскользнул по верёвке вниз и притих.

– Ну что? – крикнул ему наместник.

– Верёвка слишком короткая, – донеслось из колодца. – Есть подлиннее?

Принесли вторую верёвку, но и она оказалась коротка.

– Что делать будем? – почесал в затылке Ту Ливей.

– Скачи в замок за верёвкой! – скомандовал ему брат.

– Может, охотников пошлём?

– Забирай их, а обратно один возвращайся. Я мальчишку покараю, чтоб не сбежал.

Ту Фанг и Ту Ливей понимали друг друга с полуслова. Ведь со всякого найденного клада следовало отдать половину в казну Четырёх Рек. «Кто же знает, сколько там, на дне колодца, золота? Лучше, если только мы с братом это увидим, – подумал каждый из братьев Ту. – И тогда не нужно будет с князем делиться».

Поэтому Ту Ливей послушал своего брата, прикрикнул на охотников и во весь опор помчался с ними в замок.

А Ту Фанг остался у колодца. Он глянул вниз и сказал такие слова:

– Как же так, коротка верёвка тебе?

– Не гневайтесь, господин! – ответил ему Хацукой. – Вы ведь один остались? Все разве ехались?

«Что мне мальчишка сделает?» – подумал наместник и признался:

– Да, никого больше нет.

– Я ведь и правда схитрил, господин, – сказал Хацукой. – Верёвки аккурат хватает. А сумка такая тяжёлая! Столько в ней всего. Нам двоим хватит.

Наместник усмехнулся и сказал про себя: «Вот пройдоха!» Вслух же Ту Фанг произнёс:

– Хочешь, чтобы я брата надул? Он вмиг раскусит, что я всё прикарманил.

Так он сказал, но сам-то уже придумал, как быть. И потому прикрикнул:

– Доставай сумку!

– Не могу, слишком уж она тяжёлая, – донеслось из колодца.

– К верёвке привяжи!

– Да я сдвинуть её не могу даже. В стенке застряла, между брёвен.

– Вылезай тогда.

Не прошло и минуты, как из колодца появилась рыжая голова, а затем и весь Хацукой, одежда которого насквозь промокла.

– Смотри по сторонам, сам полезу, – сказал ему Ту Фанг.

Вот что он придумал: прикарманить не всё, а только лишь половину. И сказать брату, что так оно и было.

Ту Фанг забрался на сруб колодца и схватился руками за верёвку.

– Подождите, господин! – сказал ему Хацукой. – Вода в колодце грязная. А вон какая у вас одежда красивая! И дорогая, – закончил Хацукой так тихо, что наместник его не услышал.

Но тот сам знал цену своим одеждам, поэтому вернулся к Хацукои и стал торопливо раздеваться, оглядываясь по сторонам.

Наконец Ту Фанг остался в одном исподнем. Он снова забрался на колодезный сруб и соскользнул по верёвке вниз.

Колодец оказался вовсе не таким глубоким, как Хацукои его расписывал. Со всего размаху наместник шлёпнулся в грязную воду. Проплывавшись, он ухватился за верёвку одной рукой, а другой стал ощупывать стены колодца в поисках сумки.

Никакой сумки он там не нашёл.

– Проклятый мальчишка! – вскричал наместник, когда понял обман Хацукои. – Ну погоди, вылезу и проучу тебя хорошенько!

С этими словами Ту Фанг начал карабкаться наверх. Но тут верёвка дала слабину и полетела вниз. Ведь Хацукои совсем не хотел, чтобы наместник его проучил. Поэтому он развязал узлы на верёвке.

Ту Фанг снова оказался в воде, а сам Хацукои аккуратно прибрал богатую одежду в дорожную сумку, притороченную к лошади Ту Фанга. Затем он ловко вскочил в седло.

– Эге-гей! – прикрикнул Хацукои.

Лошадь испугалась и дала галопу такой мощи, что мальчик на каждом прыжке взлетал в воздух вместе с седлом. Уже через пять минут Хацукои пожалел о том, что вообще оказался у лошади на спине.

Но не мог же он оставаться у колодца! К тому же сводный брат наместника был уже в замке, где отпустил охотников, прихватил верёвку подлиннее и поскакал в обратный путь.

К тому времени как Ту Ливей вернулся к сидевшему в колодце брату, Хацукои был уже далеко. Лошадь наконец успокоилась, и мальчик ехал по дороге, покачиваясь в седле.

Хацукои раздумывал, что же ему делать с добычей. Ни лошадь, ни дорогая одежда ему были не нужны. В родной деревне появляться с ними так и вовсе не стоило. Но Хацукои не стал понапрасну тревожиться. Он переделался в наместничьи одежды, подтянул пояс потуже и закатал рукава. На голову Хацукои повязал цветной платок, который нашёл в кармане. На дорогом коне и в дорогой одежде он теперь выглядел не хуже, чем избалованные племянники наместника.

Навстречу Хацукои попались странствующие торговцы. Телеги их были тяжело нагружены, а рядом ехали наёмные охранники.

– Откуда путь держите? – спросил Хацукои.

Купцы назвали ему город, в котором стоял замок Ту Фанга. «Это-то мне и надо, – подумал Хацукои. – Проучу этого жадного Ту Фанга ещё раз». А вслух сказал такие слова:

– Придержите коней, уважаемые. Меня послал наместник Ту Фанг, которому я прихожусь родным племянником. Он мне велел подобрать самый красивый ковёр и привезти в замок.

Хацукои с важным видом проехал к повозке, гружённой цветастыми коврами. Он притворился, что выбирает ковёр, а затем указал на самый большой рулон.

– Вот этот.

– Семь золотых, – тут же сказал торговец.

Ковру этому красная цена была три золотых, но торговец не просто так занимался барышничеством всю свою жизнь. Он понял, что надменный юнец в коврах ничего не понимает. Самый большой ковёр был настолько не самым красивым, что даже самый сильный охранник это с лёгкостью мог сказать.

– По рукам! – сказал Хацукои и принялся шарить по карманам.

Затем он вынул что-то из нагрудного кармана и принялся разглядывать.

– Вот незадача! Наместник дал мне только пять. Точно семь золотых?

– Готов уступить за шесть, если сегодня расплатишься, – рискнул торговец, который уже видел дармовые золотые в своём кошельке.

– Напиши для меня записку, уважаемый, – сказал Хацукой. – Тогда я наместника как-нибудь уговорю. Видно, что ковёр стоит таких денег.

Жадный торговец тут же выписал счёт для наместника и в счёте указал, что ковёр для него выбран самый лучший. А также что лишь из уважения к наместнику он готов так много уступить в цене. Торговец поставил на клочке бумаги отпечаток перстня, заверяя сделку.

– Я мигом! – выкрикнул Хацукой и дал своей лошади хорошего шлепка.

Торговец остановил обоз и стал дожидаться возвращения богатого посланника. Довольный сделкой, он достал из ездовой сумки бурдюк с вином и хорошо к нему приложился.

Не успел торговец опустошить бурдюк, как Хацукой уже въехал в замок Ту Фанга.

Самого наместника в замке не было, как не было и его брата. Оба до сих пор были у колодца. Ту Фанг рассказывал брату о подлости, которую с ним учинил негодный мальчишка, а Ту Ливей знай себе усмеялся. Ясно ему было, что брат его расплатился за собственную жадность.

– Дождался бы меня и в колодец не лез! – сказал он.

– Да я чтобы время только не терять, – оправдывался Ту Фанг, но Ливею до этих оправданий дела не было. Он уже прикидывал, как будет потешаться над братом по возвращении в замок.

– Скорей в погоню! – призвал его Ту Фанг, которому вовсе не хотелось показываться родичам и слугам в одном исподнем.

– Да разве мы его догоним, вдвоём-то на одном коне? Лошадь у тебя больно резвая.

– Ну тогда ты скачи, а я тут подожду, обсохну пока.

– Нет уж, я тебя не брошу. Сначала в замок отвезу.

– Но уйдёт мальчишка!

– Куда он денется, лошадь твою всякий приметит. Тут его и поймают на краже. Поехали в замок!

Так они и препирались. Ту Фанг не хотел признаваться, что ему стыдно в замке показаться. А Ту Ливей не хотел прямо брату сказать, что желает его перед родичами высмеять.

Хацукой тем временем попусту не медлил. Как был на лошади верхом, так и проследовал к дому казначея. Постучал в притолоку и только затем спешил, чтобы казначей увидел, на какой лошади Хацукой прибыл.

Ещё на подъездах к замку мальчишка снова переоделся: снял дорогую одежду и припрятал на всякий случай в кустах, оставив только платок. Так что теперь он представился казначею обыкновенным посыльным:

– Наместник меня с поручением прислал! – выпалил Хацукой. – Вот расписка.

Казначей взглянул на протянутое письмо и заметил там печать. Затем он с прищуром посмотрел на Хацукой:

– Наместник прислал?

– Вот его платок, – сказал Хацукой. – Как подтверждение.

Казначей кивнул и выдал мальчишке тяжёлый кошель, в котором позвякивали шесть золотых.

– Платок и записку себе оставьте, – промолвил довольный Хацукой. – Чтобы наместнику напомнить, когда он с вас деньги спросит.

Казначею была хорошо известна такая забывчивость Ту Фанга, который использовал всякую возможность, чтобы выжать побольше денег из подвластных ему крестьян и чиновников.

Припомнив об этом, казначей убедился в искренности посыльного и с лёгким сердцем вернулся к своим делам.

Хацукой взобрался на лошадь и направился к выходу из замка.

И надо же было такому случиться, что в этот самый момент один из охотников проходил от конюшни к обеденной. Он заметил Хацукой и крикнул:

– Наместник вернулся?

– Нет покамест, – ответил Хацукой и пришпорил свою лошадь.

Но охотник уже опознал породистую лошадь наместника и заподозрил неладное. Он вскричал:

– Ну-ка, стой!

Хацукой только крепче сжал лошадиные бока.

Охотник бросился в конюшню, вскочил на своего коня и помчался в погоню. Догнать Хацукой ему никак не удавалось – больно уж резвой была наместничья лошадь. Но раззадоренный охотник не оставил погоню.

Хацукой это заметил, хотя и не сразу. Ему удалось вырваться вперёд, и охотник на своём коне стал размером не больше овода. Но всё никак не отставал.

На удачу Хацукой впереди оказалась полноводная река – одна из четырёх, по которым было названо княжество. У реки стоял небольшой домик, где жила семья рыбаков.

Хацукой осадил свою лошадь у самого дома, подняв облако пыли. На шум показался рыбак. Он спросил, поморщившись:

– Чего ты пылишь?

– Тороплюсь я, – ответил Хацукой. – Надо мне в деревню поскорей.

И назвал деревню, которая была на другом берегу и ниже по течению.

– А лошадь в мыле уже, – продолжил он и взмолился. – Отвези меня, уважаемый! Чем заплатить, у меня найдётся.

Золотые в кошеле, что был у Хацукой на поясе, тяжело звякнули, и рыбак подумал: «Если даже Ту Фанг ему доверяет, то уж меня он обманывать и подавно не станет. Да и деньги у него водятся».

Рыбак сказал такие слова:

– Ну хорошо. Только лодка у меня маловата, лошадь не поместится. Оставь её пока тут, на обратном пути заберёшь.

У рыбака было две лодки, и в одну из них поместилась бы не одна, а даже три лошади. Но в голове у него проросла жадность. «Лошадь у него хороша. Золотой, а то и два целых на ярмарке за неё получу». Того, что лошадь эта на деле принадлежала наместнику, рыбак не знал. Вот он и решил провести мальчишку.

Ну а Хацукой только того и надо было. Лошадь ему теперь только мешала и нужна была не больше, чем брошенная в кустах богатая одежда. Жадность рыбака сослужила ему хорошую службу.

Поэтому Хацукой сказал так:

– Ну хорошо, давай быстрее только. Будто у меня других дел нет.

И отправился в сарай, где привязал лошадь и попрощался с ней. Затем Хацукой вернулся на берег реки, где его уже поджидал рыбак. Тот сидел в небольшой лодочке, поправляя парусину, под которой скрывалась большая лодка. Хацукой довольно улыбнулся.

Он запрыгнул в лодку, и длинным шестом рыбак вытолкнул её на середину реки. Хацукой принялся грести что было сил. Вскоре они скрылись из виду.

Добравшись до соседней деревни, рыбак вытолкнул Хацукой на причал и тут же взялся за вёсла.

– За лошадь свою не переживай! – крикнул он. – Уж я найду, куда её пристроить!

Обратный путь рыбаку показался вдвое короче, хоть и был против течения. Только-только начало смеркаться, как он уже был дома. Там его поджидали разозлённые охотники Ту Фанга. Погнавшийся за Хацукой охотник обнаружил в сарае брошенную лошадь и вернулся в замок за подмогой. Наместник и его сводный брат тотчас же снарядили погоню, но достался им один только рыбак, виновный лишь в своей наивности и корысти.

Сам же Хацукой, проскочив деревню напрямки, отправился к себе домой, радуясь удаче и собственной хитрости.

Золотые монеты приятно бренчали у него в кармане, а в голове поселилась мысль, что перехитрить порочных людей совсем несложно. «Значит, – рассудил Хацукой, – дело это благородное таких людей обирать».

Чтобы узнать, были ли рады Хацукой в родной деревне, читайте следующую главу.

Глава шестая

в которой повествуется о том, как Хацукой оказался в монастыре и чему он там научился

Итак, Хацукой ловко провёл наместника Ту Фанга и в итоге разжился шестью золотыми. Это если не считать медяков, которые он вытащил из карманов краденой одежды.

Довольный, Хацукой вернулся в деревню. Было уже утро после следующего дня, и дома его потеряли. Младшая сестрёнка соскучилась по брату за день и с трудом заснула. А мать Хацукой всю ночь не могла сомкнуть глаз, и её мужу пришлось несладко. Сам кузнец не особенно переживал за сына, поскольку видел его сновку. Но жена его не находила себе места, а значит, места себе не находил и кузнец.

Поэтому, когда дверь в дом отворилась и на пороге появился Хацукой, оба его родителя бросились к нему. Мать – с возгласами облегчения, а отец – с крепкой розгой.

Хацукой увернулся от обоих, вскочил на скамью и вытащил кошель с деньгами.

– Смотрите, что я принёс! На год нам хватит!

И мальчик высыпал деньги на стол. Золотые выпали с глухим звоном, а медяки раскатились по всему столу. Одна монета соскочила со стола на скамью, в ноги Хацукой. Тот наклонился, чтобы её поднять, и тут же почувствовал, как его крепко схватили за ухо.

Кузнец приподнял мальчика, который заверещал от боли.

– За что? – кричал Хацукой.

– За глупость твою, – ответил ему кузнец. – На что нам золотые монеты годятся? В деревне у нас таких денег никто не видел. А если в город прийти, так ведь подумают, что украли.

Кузнец сильнее выкрутил Хацукой ухо:

– Признавайся, где своровал!

– Да не воровал я! – ответил Хацукой, всхлипывая не то от боли, не то от обиды. – Они мне сами отдали!

И мальчик рассказал отцу обо всех своих проделках. Чем больше кузнец слушал, тем суровее становилось его лицо.

– Ту Фанг этого так не оставит, – наконец произнёс он. – Всю провинцию перевернёт, чтобы тебя найти. Что же делать?..

Мысли не находили себе места на обветренном лице кузнеца. Наконец он пришёл к решению и сказал так:

– Придётся тебя в монастырь отдать. Другого нет выхода. Ту Фанг в монастырь носа не сунет. А золото в саду закопаем. Всё равно проку от него никакого.

Тут уж Хацукой стало так обидно, что слёзы ручьём хлынули у него из глаз. Сколько он старался, а результат в землю закопать придётся. Но спорить с отцом Хацукой не стал, потому что увидел тучу, которая собралась у кузнеца над бровями.

Кузнец всерьёз переживал за сына. Хоть и был Хацукой несносного нрава, оба родителя его любили и желали ему самого лучшего. Самое лучшее, что сейчас можно было поделывать, это спрятать Хацукой в монастыре. И понадеяться, что за время послушничества или Ту Фанг позабудет обиду, или Хацукой переменится так, что наместник его больше не признает.

Кузнец выпустил сына, который тут же схватился за выкрученное ухо и бросился в объятия матери. Та крепко прижала его к себе и не выпускала, пока мальчик не притих. После чего сказала:

– Хацукой, мы твои родители и всегда будем тебя любить. Даже если больше никогда не увидимся.

Слёзы прощания навернулись у матери на глаза, и она ещё крепче прижала мальчика к себе. Затем она усадила Хацукой за стол и выложила перед ним нехитрую деревенскую еду. Еда показалась мальчику вкуснейшим блюдом на свете, такой он был голодный.

Кузнец тем временем собрал вещи в дорогу. Как только Хацукой смёл в рот последние крошки, они с отцом отправились в путь. В монастыре мальчик уже однажды побывал – когда родители привели его туда за семечком удачи. Но это было так давно, что Хацукой уже и дорогу к монастырю позабыл.

Монастырь стоял довольно далеко от родной деревни Хацукой, а лошадей у наших путников не было. Несколько ночей они провели в полях, засыпая под открытым небом на пшеничных скирдах. Наконец они добрались к подножию Белой Горы, на вершине которой стоял монастырь. По широкой тропе Хацукой с отцом стали подниматься вверх. Навстречу им попадались только паломники, которые посещали монастырь, чтобы помолиться богам удачи. В народе бытовало мнение, что если просить удачи в монастыре, то всё непременно исполнится. Людям ведь только и того надо, чтобы им на фонарь указали. Там и будут искать свою пропажу.

Кузнец шёл впереди, а Хацукой плёлся следом. За время путешествия он поразмыслил над случившимся и принял к сердцу родительские слова. Ничего поделать было нельзя, кроме как спрятаться в монастыре.

Вдруг кузнец остановился, сошёл с тропы и схватил Хацукой за руку. Тот чуть не потерял равновесие от неожиданности и вылетел на обочину вслед за отцом. Паломники вокруг тоже расступились.

«Что это там?» – подумал Хацукой. Он выглянул из-за широкой отцовской спины и увидел, как с горы спускается странствующий монах в тростниковой шляпе, похожей на горшок. За плечами у монаха был дорожный мешок, а рядом с ним трусили два волка. Шерсть одного серебрилась и переливалась, а второй словно вывалился в мокрой грязи. Тёмная шерсть свисала с него неровными лохмами.

Ни волки эти, ни сам монах не удостоили Хацукой с отцом даже взглядом. Они прошли мимо замерших паломников и скрылись за поворотом. Кузнец отпустил руку Хацукой и вернулся на тропу. Мальчик не удержался:

– Кто это был?

– Комусо, – ответил кузнец и прибавил: – Странник пустоты.

– А что за волки с ним?

– Последнее испытание. Если пройдёт его, примет обет камунуси.

Про камунуси Хацукой слышал только досужие рассказы. Мол, камунуси сражаются с голодными духами, которые вырвались на свободу из Донной Страны. И охраняют покой небожителей. Как это можно делать здесь, на земле, этого Хацукой не понимал и потому в сказки такие не верил. А теперь он почти столкнулся с одним из этих камунуси.

– И я тоже стану камунуси? – спросил он у отца.

– Если выдержишь четыре года, получишь своё испытание.

– Волков? – глаза у мальчика загорелись.

– Так ты думаешь, это волки?

– А кто?

– Не простые волки точно. Чем их кормят, никто не видел.

– А монахи что говорят?

– Молчат они. Эх, не пройти тебе испытания, – устало вздохнул кузнец. – Много ты болтаешь.

Но Хацукой уже захотелось во что бы то ни стало превратиться в отважного камунуси. На крайний случай обзавестись такими же грозными волками-которые-непростые-волки-точно. Так что мальчик умолк и рта до самого монастыря не раскрывал.

В монастыре Хацукой обрили голову, поставили на ней первую монашескую точку и выдали оранжевую робу. Мирскую одежду кузнец забрал с собой, оставив настоятелю одну только свою благодарность и самого Хацукой к ней в придачу. Мальчик простился с отцом без слёз и только вечером позволил себе расплакаться, спрятавшись от остальных послушников в закутке сарая с курами.

Так началась монастырская жизнь Хацукой. Никто из послушников не знал его имени. Да и монахам его имя тоже было неизвестно. Во всём монастыре его знал только один из настоятелей – тот, которому кузнец вверил судьбу мальчика.

Но имя было молодому послушнику без нужды. Он стал одним из двух дюжин таких же мальчишек, которые в этом году поступили в монастырь. Были среди них ребята покрупней да потолще, были и помельче да пошуплей. Но в целом одного послушника от другого отличить было сложно, хотя никто и не пытался.

Основным занятием у послушников первых лет – Хацукой был как раз таким – была работа по хозяйству. Они убирала за лошадьми, козами и курами; стирали и развешивали оранжевые робы и другое бельё; кололи дрова, мыли полы, готовили еду себе и другим братьям. Возделывали землю вокруг монастыря и сажали на небольших участках пшеницу, картофель, морковь и свёклу. Следили, чтобы птицы не выклевали посаженные семена. Выкапывали торф из ближнего болотца и сушили его на солнце, растирали цветные камни в порошок и смешивали из него краски. Работы в монастыре было много, хватало на всех.

Но Хацукой этих занятий оказалось недостаточно.

За однообразным трудом он быстро заскучал и стал выдумывать себе развлечения. Начал он с того, что выучил манеры каждого из настоятелей и монахов-камунуси, что жили в монастыре. Так он хорошо им подражал, что порой удавалось ему провести не только своих братьев-послушников, но даже самих камунуси.

Вскоре и такое обезьянничество наскучило Хацукой. Поэтому в монастыре стали происходить странные вещи.

Однажды кто-то подкормил клевером любимую лошадь настоятеля, да так, что бока у неё раздуло. И когда настоятель, оседлав её, спустился в деревню, лошадь пустила такие ветра, что одного из жителей унесло в реку, а остальные разбежались, прикрывая носы рукавами.

В другой раз берёзовые дрова оказались вымоченными в торфяной вытяжке – той самой, что высушивалась на солнце из свежего торфа. Холодным вечером послушники, как обычно, забросили порядочную охапку дров в подвальный камин, из которого тёплый воздух расходился по всем залам. Но вместо тёплого воздуха из стенных труб повалил густой дым, покрывший копотью и послушников, и монахов-камунуси, и даже настоятелей. Виновника так и не нашли, хотя искали всем монастырём. Более прочих в поисках усердствовал Хацукой.

А как-то в монастырь приехали настоятели из соседнего храма. К приезду важных гостей было велено навести лоск. Послушники первых лет выполнили эту задачу со всем рвением. Полы в приёмной зале оказались натёрты скользким воском, и дорогие гости кубарем повалились один на другого, бесполезно пытаясь удержаться на ногах. Глиняные кувшины с привезённым в дар монастырским вином полетели на пол и разбились.

Наконец до настоятелей дошло, кто же был причиной всех беспорядков. К Хацукой приставили старшего послушника-шраманери, а самого мальчика с той поры стали называть Такуаном в честь небесной куницы Та Гуан.

Куница Та Гуан известна была беспорядком, что устроила на Небесах в тот же момент, как ей посчастливилось туда попасть. Самому Хацукой-Такуану новое прозвище понравилось,

ведь куница была любимым героем из сказок, которые вечерами рассказывали родители. Ещё больше он любил волшебную обезьяну-ванара Хатимана. Но после всех проделок Хацукой никто его царём ванаров прозывать не захотел. Мальчику пришлось смириться со своим новым именем, но он и это проделал без особого труда.

Даже под бдительным присмотром Такуану удавалось время от времени проказничать. Уже ближе к концу второго года послушничества он перехитрил-таки и своего надзирателя, притворившись одним из монастырских старейшин.

В тот день стояла особенно хорошая погода, вечер выдался тёплым, и на небе ярко блеснули звёзды. Шраманери, которому поручили следить за непослушным послушником, сидел у сарая, где спали его братья, смотрел на небо и размышлял, покручивая соломинку во рту. Благодаря своему поручению – надо сказать нелёгкому – шраманери удавалось выкроить время для безделья. Тогда как братья его, послушники вторых и третьих лет, сидели без движения и медитировали, погружая себя в устройство Небесного дворца. Так что опекавший Такуана шраманери нисколько не жаловался на свою судьбу. До поры до времени.

Итак, одним тёплым вечером ничего не предвещало проказ молодого послушника. Целый день Такуан работал на поле и должен был, по мнению шраманери, повалиться в сарай без задних ног. Но не таков был Такуан. Утомительный и однообразный труд только распалил его. На свою усталость он внимания не обращал.

Такуан со всей осторожностью выбрался через отверстие в притолоке сарая и прокрался вдоль стены так, чтобы оказаться у шраманери позади. Затем он сказал такие слова, притворяясь настоятелем:

- Бездельничаешь? Где Такуана бросил?
- Спит он уже без задних ног, – ответил шраманери, вскочив на ноги.
- А кто тогда в храме свечи жжёт?

Шраманери поднял глаза на храм, в котором и правда дрожали тени от свечей. В тот день настоятель совершал там особенный обряд. Отвлекать настоятеля было никак нельзя.

Такуан догадался обо всём этом благодаря любопытству и наблюдательности. Он приметил, что раз в месяц один из настоятелей запирается в храме и разжигает свечи. Так было и в эту ночь. А вот шраманери об этом не знал. Он часто отлынивал от своих медитаций и больше смотрел в небо, чем по сторонам. Поэтому шраманери никак не мог предположить, что про-

исходит в храме. Он поверил словам Такуана, посчитав его за самого настоятеля. А надобно сказать, что Такуан специально выбрал для подражания того самого настоятеля, который находился сейчас в храме.

Шраманери сломя голову бросился к храму, проклиная свою оплошность. Он даже не оглянулся, чтобы посмотреть на окликнувшего его настоятеля. Такуан остался незамеченным. Он довольно улыбнулся и отправился себе спать.

С громким воплем шраманери ворвался в храмовую залу:

– Такуан!

Свечи задрожали от распахнутой двери и погасли. Осталась только одна свеча, которая подсветила волчий оскал настоятеля так, что шраманери тут же понял, что его провели.

Обряд был необратимо испорчен, а шраманери посчитали в том виноватым. Ведь когда он, непрерывно извиняясь, притащил настоятеля к сараю, выяснилось, что Такуан всё это время спал крепким сном. Да таким, что шраманери с трудом его растолкал ко всеобщему недовольству.

Так прошёл первый год. По окончании года на бритое темя послушников добавили вторую точку. Монахи-камунуси носили на голове пять точек, образующих созвездие Небесного корабля, и новые точки добавлялись послушникам каждый год.

В числе прочих поставили вторую точку и Такуану. На следующий год он должен был стать таким же шраманери, как его надсмотрщик. Шраманери называли в монастыре посвящёнными.

«Во что их там посвящают?» – эта мысль не покидала Такуана, но разузнать ответ ему никак не удавалось. Особенно сложно это стало во второй год.

Послушники вторых лет большую часть времени проводили в медитации. Для Такуана медитация оказалась делом ещё более скучным, чем выдёргивание сорняков. «Вот скукота! Сидишь весь день и ничего не делаешь. Даже глазами подвигать не разрешают», – сокрушался он.

Конечно, Такуан на месте подолгу не сидел. Однажды он обмазал коврики своих братьев пчелиным мёдом, и за день медитации послушники накрепко приклеились к своим коврам. Такуан тоже оказался приклеенным, но в этот раз не избежал наказания. Настоятели уже хорошо знали хитрости Такуана.

Но и это не расхолодило беспокойного мальчишку. Не долго он просидел без проказ.

Каждый вечер медитация заканчивалась ударом гонга, и вот как-то ночью Такуан прокрался в зал для медитаций и развязал шнурки, которым гонг был закреплён. Так что следующим вечером, когда настоятель ударил в гонг специальной палочкой, тот слетел со своей подставки и покатился вниз по ступеням храма, звеня при каждом ударе. Никто из послушников не успел остановить несущийся по ступеням медный диск, и гонг без препятствий выкатился из ворот храма и помчался по тропе, догоняя паломников. Те в испуге прыгивали с тропинки. Так и укатился бы гонг в соседнюю провинцию, если бы на тропе не оказался один из комусо. Странствующие монахи владели многими искусствами, и комусо без труда остановил гонг одним движением руки.

После этой проделки перед Такуаном поставили условие:

– Оставляешь свои проказы, – сказал ему настоятель, – или никогда тебе камунуси не стать. – Он хорошо знал, что до сих пор удерживало Такуана в монастыре.

А после того как Такуан увидел искусства комусо в действии, ему ещё больше захотелось пройти все испытания на монашеском пути. Так что Такуан собрался со всеми своими силами и взялся за ум.

Он прилежно сидел в зале для медитаций в храме, сидел на площадке для медитаций на заднем дворе, стоял на столбах для медитаций, которые торчали в монастырском заборе, лежал на глади пруда, висел вверх ногами, как летучая мышь, цепляясь кончиками пальцев за потолочные балки.

У Такуана было много времени для раздумий, и он стал размышлять о том, почему же так легко было ему проказничать. Он вспоминал всё, что ему привелось увидеть, и пытался изо всех сил понять, как же так устроены люди, что они сами прежде прочего стремятся себя обмануть.

Ответ на этот вопрос он искал и в монастырских книгах. Наконец ему открылась природа человеческих страстей.

Три корня зла угнездились в каждом человеке: невежество, алчность и гнев. Стоило только одному из корней коснуться человеческого разума, как взор того человека туманился и он был готов поверить всякому, что питало этот корень. Потому-то Такуану и удалось провести алчного Ту Фанга.

Такуан так обрадовался своему просветлению, что разжал пальцы и упал с потолка головой вниз. Потирая шишку на лбу, он стал придумывать, как ещё он может водить за эти корни тех, кто поддался собственному злу.

В таких раздумьях и прошёл второй год его послушничества.

И вот Такуану поставили на лоб третью точку. Пришла пора посвятить его в тайное знание, которым обладали монастыри. Но Такуана больше интересовало, что случалось с послушниками после четвёртой точки. Когда на темени у шраманери не доставало лишь последней звезды Небесного корабля, послушника призывали в тёмную залу монастырского храма, где с ним совершали обряд, тайну которого не раскрывали даже посвящённым послушникам трёх лет.

Такуан знал следующее: после обряда у шраманери появлялись два волка – таких в точности, какие встретились ему по дороге в монастырь. А сам шраманери принимал обет молчания, надевал тростниковую шляпу и отправлялся странствовать. Таково было последнее испытание, и Такуан с нетерпением дожидался дня, когда он сам превратится в странствующего комусо. Но до этого оставался ещё целый год, который Такуану предстояло прожить посвящённым послушником.

Чтобы узнать, что за тайное знание стало известно Такуану и как он им воспользовался, читайте следующую главу.

Глава седьмая

в которой повествуется о том, как Такуан обрёл тайное знание, а также о том, как он покинул монастырь Белой Горы и куда отправился дальше

Итак, проказник Хацукой провёл в монастыре два долгих года и обзавёлся новым именем. Теперь все называли его Такуан. Новое имя не изменило его натуры. По-прежнему ему не сиделось на месте. Одна только мечта удерживала Такуана в монастыре: очень ему хотелось стать монахом-камунуси и сразаться с демонами.

Во время медитаций Такуану открылось, что люди легко поддаются обману из-за трёх корней зла, что посеяны в сердце каждого человека. И мальчику ещё больше захотелось найти разбросанных по миру бесов-оборотней, которые сеют в людях это зло.

На третьем году послушничества настоятели посвящали шраманери в тайны, известные одним только старшим монахам трёхсот монастырей. Настал этот день для Такуана и его братьев. Настоятели собрали всех послушников третьих лет в одной большой зале. Самый старший из настоятелей сказал так:

– Третий год послушничества начался. Пришла пора вам узнать истинное предназначение монастырей. Много лет назад боги пожертвовали нам, людям, семена удачи. Каждый житель нашего мира получает своё семя, как только ему исполнится пять лет.

Всё это было Такуану хорошо известно. «Когда ты какую-нибудь тайну уже скажешь!» – с недовольством подумал он, но тотчас вырвал у себя подкравшийся корень гневливости.

Настоятель продолжал:

– Триста горных монастырей дали обет Небесному Императору. Этот обет скоро ляжет и на ваши плечи. На плечи тех, кто успешно пройдёт последнее испытание. На плечи камунуси, хранителей духов.

«Ну и это мне известно, – всё больше надоедали Такуану речи настоятеля. – Когда же ты дойдёшь до сути дела!» От нетерпения Такуан заёрзал на своём коврик. Соседние шраманери недовольно покосились на него.

– Камунуси, – тем временем повторил настоятель, – это опоры Небесного дворца. Небожители живут в наших молитвах. Днём и ночью мы держим своим разумом стены дворца, который защищает небожителей от всех невзгод. Мы, – настоятель обвёл взглядом притихших послушников, – единственная защита и опора небожителей.

«Какие они тогда небожители, – подумал Такуан, – если сами от людей защиты требуют». Вслух он этого не сказал. Он выжидал, когда настоятель наконец раскроет, с помощью какого искусства монахи-камунуси побеждают демонов. Но настоятель вовсе не собирался об этом говорить. Он закончил свою речь:

– Чтобы стать камунуси, необходимо заучить всех небожителей и знать все молитвы, которыми держатся постройки на Небесах. На третьем году послушничества вы должны выстроить дворец, в котором поселится один из небожителей.

Настоятель замолчал. После чего он сделал знак всем расходиться.

Один за другим шраманери вставали с пола и сворачивали свои коврики. Они отправлялись в залы для медитаций, чтобы приступить к строительству Небесного дворца. За предыдущий год они хорошо усвоили, как это нужно делать.

Вот только Такуану совсем не хотелось быть чьим-то дворцом. Пусть даже если этот кто-то был небожителем. «Скучно всю жизнь провести чьей-то половицей. Или притолокой», – так подумал Такуан. Он встал с пола, свернул свой коврик и пошёл за остальными.

Такуан уселся в зале для медитаций и закрыл глаза. Небесный дворец он строить не собирался. Он раздумывал, как бы ему стать камунуси – или хотя бы комусо – без напрасной траты времени. Совершенно бессмысленной траты, если его спросить. Как обычно, решение пришло к нему быстро.

Такуан дождался темноты, выскользнул из сарая своим обычным путём и пробрался в зал для каллиграфии. Там он перебрал все пузырьки и выбрал такую тушь, которую даже сильный дождь не мог размывать. Этой тушью настоятели писали письма, которые затем отправляли в дальние монастыри. Такуан взял тонкую кисть, примерился перед серебряным зеркалом, которое светилось едва заметным сиянием, и поставил себе четвёртую точку там, где она и должна была появиться в следующем году.

«Готово! – выдохнул он, когда убедился, что точка стоит на нужном месте. – Завтра я спокойно пройду тайный обряд, стану комусо и отправлюсь по миру странствовать». С этими мыслями он свернул письменный набор и прокрался обратно в сарай. Никто его отсутствия не заметил.

Утром Такуан проснулся раньше всех и тут же отправился медитировать на столбе. Он забрался повыше, чтобы никто не заметил, сколько точек теперь у него на темени. Между тем очередь из послушников четвёртых лет выстроилась к входу в тёмную залу. Один за другим шраманери входили в храм, а затем выходили, прижимая к груди по корзине. В этих корзинах сидели волчата – Такуан это уже знал. Он терпеливо стоял на своём столбе и дожидался, пока не начнёт темнеть.

И вот солнце наконец склонилось к закату. Такуан соскользнул по столбу вниз и пристроился в очередь к храму. В очереди оставалось всего пара послушников, и вскоре пришёл черёд Такуана.

Он отряхнул с ног пыль и отодвинул ширму. В тёмной зале всё-таки оставалось немного света. Свечи стояли по периметру зала, и Такуану показалось, что их пламя колыхнется в такт его дыханию. Через узкие амбразуры припотолочных окон пробивались розовые лучики заходящего солнца.

В середине залы стояла соломенная корзина, покрытая широким полотенцем. «Мои волки!» – подумал Такуан. Дыхание у него перехватило. Пламя свечей застыло.

Такуан медленно подошёл к плетёной корзине и опустился на циновку рядом. Он медленно поднял глаза и увидел старших настоятелей монастыря, всех троих сразу. Один из них был слеп, второй давно оглох, ну а третий потерял голос ещё до того, как Такуан-Хацукой появился на свет. Такое редко случалось, чтобы три старших настоятеля собирались вместе.

Такуан склонил голову, чтобы настоятелям были хорошо видны его четыре точки, из которых только три были настоящими. Один из настоятелей произнёс имя, которое Такуан почти позабыл:

– Хацукой!

Дрожа всем телом, Такуан простёрся на полу. «Неужели они меня раскусили?» – подумал он. Но это было не так. Настоятелям ход времени был неинтересен, и они даже не задумывались, как долго несносный Хацукой уже послушничал.

– Заботься о своих братьях как о себе, – сказал настоятель. – Корми их своими словами. Всё, что ты скажешь, они услышат. Они и больше никто. Принимай обет.

– Пр-р-ринимаю обет, – неуверенно сказал Такуан.

И тут же почувствовал, как его темя облизывает чей-то тёплый язык. «Он же сейчас мою четвёртую точку слизет!» – перепугался Такуан, забыв о стойкости выбранных им чернил.

Такуан поднял голову ровно настолько, чтобы обнаружить сдвинутое вбок полотенце и рыжую морду, которая высунулась из корзины. На Такуана в упор смотрели хитрые лисьи глаза, чёрные как смоль.

– А где волки? – спросил Такуан.

В тишине храма голос Такуана прозвучал словно весенний гром. Свечи испуганно задержались, безуспешно пытаясь сбежать.

Один из настоятелей – тот, что давно ослеп, – схватил другого за робу.

– Слышал?

Тот похлопал слепого по руке, затем стал на пальцах объяснять третьему, что произошло. Ни один из них не ожидал, что Такуан заговорит. А те двое, что до сих пор могли видеть, были не меньше Такуана удивлены лисёнком, который уже выбрался из корзины и нетерпеливо прыгал вокруг замершего как статуя Такуана.

– Такуан! – взревел глухой настоятель.

Теперь до них дошло, с кем они имеют дело. Настоятели наконец посчитали в уме, сколько лет они уже терпели выходки сперва Хацукой, а затем Такуана. И поняли, что четвёртая точка на его темени – фальшивая.

– Чтобы завтра же ноги твоей тут не было! – заорал слепой настоятель.

– Этого, – глухой настоятель показал на лисёнка, – забери.

Третий настоятель молча размахивал кулаками и корчил страшные рожи.

Лисёнок с готовностью запрыгнул обратно в корзину и посмотрел на Такуана, высунул узкий длинный язык.

Ничего Такуану не оставалось, как взять корзину и направиться на выход. В сарай посвящённых третьих лет он с корзиной пойти не мог. А в сарай шраманери четвёртых лет его бы и вовсе не пустили. Так что Такуан спустился по ступеням храма, поставил корзину на пол и расплакался. Его мечтам о монашестве не суждено было сбыться.

Долго плакать Такуан не стал. Он вытер слёзы рукавом своей робы и только тогда заметил, что лисёнка в корзине нет. «И ты тоже от меня сбежал», – подумал Такуан, и на его глазах опять выступили слёзы.

Но тут он услышал негромкое тьяканье. Такуан поднял глаза на звук и увидел лисёнка, который тащил за собой невесть откуда взятую белую робу камунуси. «Да ты не меньше меня проказник!» – обрадовался Такуан. На душе у него потеплело. Лисёнок выпустил из пасти робу, ловко вскарабкался Такуану на плечи и слизнул солёные слёзы с его лица.

Такуан аккуратно свернул белую робу и спрятал в корзину. Лисёнок запрыгнул сверху, свернулся клубком и потянул полотенце на себя. Такуан поднял корзину и отправился было в курятник, но на полпути сообразил, что куры его новому другу не обрадуются. Тогда он пошёл спать на сеновал, где устроился в копне сена, повернулся и наконец заснул.

Пробудился Такуан, когда солнце уже стояло высоко. Никто его не искал. Настоятели подумали, что он сбежал ещё ночью, а братья-послушники уже привыкли к тому, что Такуан то и дело пропадал. И потом всегда возвращался.

Но в этот раз всё было иначе. Возвращаться в монастырь Такуан не собирался. Он облачился в белую монашескую робу, у которой оказались глубокие пазушные карманы. Лисёнок пробрался в один из них и замер.

Такуан выглянул из сеновала. Рядом никого не было. Тогда он выскользнул наружу, приосанился и неспешным ходом проследовал мимо медитирующих в саду шраманери и мимо всех зданий храма, перешёл через ручей по узкому мосту и вышел за ворота.

«Вот дураки! – подумал Такуан про монахов. – Даже не догадались, что я у них робу спёр. Теперь я самый настоящий камунуси». С такими мыслями он зашагал вниз по тропе.

Такуан был уже на полпути к подножию, когда увидел, что навстречу ему поднимается странствующий монах-комусо. Одежда его была потрёпана, но цела. Трещина на шляпе аккуратно зашита. Рядом с ним шагали два его волка.

Такуан замер. Его словно парализовало. Он боялся пошевелиться – казалось, что, сделай он хотя бы один шаг, странствующий монах поймёт, что камунуси перед ним ненастоящий. Пальцы Такуана побелели, сжимая чётки, которые мальчик нашёл в пазушном кармане. Чтобы успокоиться, Такуан стал медленно и глубоко дышать.

Комусо мерно шагал навстречу и вот уже поравнялся с Такуаном. Его волки почуяли запах лисёнка и ощерились. «Сейчас бросятся!» – промелькнула мысль в голове Такуана. Но волки бросаться не стали. Монах уже прошёл мимо, и волки потрусили его догонять.

«Пронесло! – выдохнул Такуан, когда комусо скрылся за поворотом. – Пожалуй, не стоит мне в этой робе разгуливать». Он сбросил белое одеяние камунуси и закинул его далеко в кусты. Затем Такуан продолжил свой путь к подножию Белой Горы.

Первым делом он отправился в свою родную деревню. «Как же там мои родители? Как сестричка моя, совсем подросла уже?» – так думал Такуан, шагая по просёлочной дороге. Спустя несколько дней Такуан оказался на пороге родительского дома, что стоял рядом с кузней, над которой из высокой трубы поднимался густой дым.

Вот только сам кузнец, который работал во дворе, оказался мальчику незнаком.

– А где Цунь? – спросил Такуан кузнеца. Отцовское имя после долгой разлуки прозвучало как чужое.

– Нет больше Цуня. Медведь его задрал, – ответил кузнец.

– Медведь? – не поверил Такуан.

Медведей в округе не водилось.

– Оборотень, – сказал кузнец не оборачиваясь.

На шум из дома вышла жена кузнеца. И её Такуан видел впервые. Они с мужем недавно переехали в деревню Кото, поскольку жителям нужен был новый кузнец.

Не веря своим ушам, Такуан стал расспрашивать кузнеца и его жену о судьбе своего отца, а также о том, что случилось с матерью и сестрой. О том, откуда взялся медведь-оборотень, кузнец ничего сказать не мог. Он отправил Такуана к деревенскому старосте.

– Коли так, пойду к нему, – сказал Такуан, всё ещё сомневаясь в услышанном. – Вот только хотел я свои вещи забрать.

– Так они все вещи с собой увезли, – сказала жена кузнеца. – Мать и сестра твои.

– Был у меня тайник, о котором они не знали. В нём я свои игрушки спрятал, когда в монастырь уходил.

Кузнец покачал головой: такой взрослый парень, а всё игрушками балуется. Но потом вспомнил, что приключилось с отцом Такуана, и промолчал. «Пусть хоть что-то ему на память останется», – подумал он.

И Такуан пошёл на задний двор, где под кустом бегонии был закопан кошель, в котором лежали шесть золотых монет и двенадцать медяков. Кошель был на месте, чему Такуан обрадовался. Теперь он был при деньгах.

Затем он отправился к деревенскому старосте. Грустным голосом староста повторил Такуану то, что тот уже слышал от кузнеца. Рассказал, что в деревне объявился оборотень и что кузнец оказался в его пасти. Остальных спас монах-комусо, который собирал подаяние игрой на флейте. Оплакав мужа, мать Такуана взяла дочку, собрала нехитрые пожитки и уехала в город. Оставаться в опустылевшем доме она не могла, да и новому кузнецу нужно было жильё.

– Где мне теперь её искать? – спросил Такуан старосту.

– Отправляйся в пригород наместничьего замка. Думаю, там она и поселилась.

– А что наместник, всё тот же?

– Куда он денется, Ту Фанг этот, – пробурчал староста.

«Надеюсь, он позабыл обо мне уже, – подумал Такуан. – Да и сам я изменился за проведённые в монастыре годы». Это была сушая правда. Тяжёлый труд и медитация закалили тело

и душу Такуана, и теперь на старосту смотрел не вихрастый и веснушчатый мальчишка-проказник, а худощавый и жилистый юноша с короткими рыжеватыми волосами, под которыми виднелись четыре монашеские точки на темени.

Такуан попросился переночевать, и староста ему не отказал. Наутро жена старосты приготовила ему завтрак в дорогу, а старший её сын отдал Такуану немного мирской одежды. В холщовых штанах и свободной рубахе бывшего послушника стало не узнать.

Выказав полагающуюся благодарность, Такуан низко поклонился каждому, кто ему помог, и без промедления оставил деревню позади. Возвращаться в неё было больше незачем.

Чтобы узнать, как Такуан добирался до замка Ту Фанга и что ему повстречалось на пути, читайте следующую главу.

Глава восьмая

в которой повествуется о том, как Такуан искал своих родных, а также о том, как его лисёнок получил собственное имя

Итак, сбежавший из монастыря Такуан добрался до родной деревни и никого из родичей там не обнаружил. В поисках семьи бывший послушник отправился туда, куда ему указал деревенский староста – в пригород замка Ту Фанга.

Братья Ту, к слову, давно позабыли уже о досаде, которую причинил им вихрастый мальчишка по имени Хацукои. Целых два года они припоминали события у колодца: Ту Ливей со смехом, а Ту Фанг с обидой. Но в конце концов братья нашли себе другие дела, достойные их жадности. Налоги в провинции только увеличивались, и жизнь простых людей становилась всё сложнее.

Жившие среди полей крестьяне с трудом справлялись с очередным оброком, который на них наложил Ту Фанг. К тому же были у них и другие беды.

Так, в одной деревне стали одна за другой пропадать куры. Жители сперва посчитали причиной лесную куницу, но ловушки на неё оказывались пусты, а то и вовсе разодраны в клочья. Ясно было, что здесь хозяйничал какой-то более крупный зверь.

Деревня эта была как раз на пути Такуана. С лисёнком за пазухой он прошагал по главной улице до торговой площади, где спросил первого попавшегося прохожего:

– Уважаемый, не встречались ли вам люди из Кото? Я разыскиваю свою матушку да ещё младшую сестру.

Встреченный Такуаном прохожий работал на постоялом дворе и потому сказал так:

– Давненько это было. Но вроде проходил через нашу деревню торговый обоз, и в числе прочих были там и жители деревни Кото. Каковы твои родичи на вид?

Такуан описал ему свою мать, как он её помнил: в хорошем теле, домашней одежде и с длинными волосами, чёрными как смоль. И младшую сестру тоже описал. Но работник постоялого двора никак не мог вспомнить таких путешественников.

Было это совсем неудивительно, ведь мать Такуана, овдовев, тут же поседела. А его сестра за прошедшее время подросла и совершенно переменилась. Об этом и сам Такуан догадался, куда расспрашивал. «Много прошло времени с тех пор, как я своих родичей видел. Я изменился, и, должно быть, они тоже выглядят теперь иначе», – так он подумал. Поэтому Такуан не стал особенно переживать, что встреченный работник не помнит никого похожего. Он сказал:

– Спасибо тебе, уважаемый. А что, можно ли у вас на дворе переночевать? Дорого возьмёте?

Ночлег, включавший в себя ужин, обошёлся Такуану в пару медяков. Это его вполне устраивало. Бросив свои нехитрые пожитки в комнате, он спустился в обеденную, где дородная повариха вручила ему глубокую миску, полную овощного рагу. На мясо медяков не хватало, но Такуан и сам был этому рад. За время своего послушничества он не брал в рот и самого маленького мясного кусочка. Даже кур, которых в монастыре было порядочно, разводили только ради перьев да скорлупы от яиц, оранжевых как робы послушников. Такуан вспомнил годы, проведённые в монастыре, и вздохнул. Он здорово соскучился по своим братьям, которых он оставил на Белой Горе. Но возвращаться ему было никак нельзя, так сильно он прогневал настоятелей.

Такуан глубоко погрузился в свои мысли, и только громкий разговор за соседним столом вытолкнул его обратно в обеденную. Сидевшие рядом крестьяне пили кислое пиво и обсуждали пропажу очередной курицы.

– Сегодняшней ночью у меня курицу увели. И трём ещё горло перерезали. Говорю вам, это хорёк! – сказал один, ударив пустой кружкой о стол.

– Не может быть, – возразил второй, сделав знак поварихе. – Хорька бы мы давно изловили.

Повариха принесла ещё пива, и спор продолжился:

– Ну а кто ещё? Медведей у нас в округе нет.

Такуан наострил уши.

– Да какие медведи! Был бы медведь, он бы телят пошёл драть. Или на детей в поле напал.

– Слава Дайкоку, никто детей не трогает.

– Вот и я говорю. Не медведь это.

– Если не медведь и не хорёк, то кто? Оборотень?

Такуан вздрогнул.

– Может и оборотень. Кто их знает, оборотней, – сказал один из спорщиков.

Тут он заметил Такуана. Крестьянин догадался, что перед ним бывший монах: хоть голова Такуана и не была бритой, сквозь короткие волосы ещё были видны чёрные точки.

Считалось, что монахам всё известно и про Небеса, и про Нижний мир. Поэтому крестьянин повернулся к Такуану и спросил:

– Эй, монах! Что про оборотней скажешь, каковы они?

– Всякие бывают, – уклончиво сказал Такуан.

– И курей дерут?

– И курей. – Такуану не хотелось спорить.

– Где ваши камунуси только ходят, – недовольно проворчал крестьянин.

Такуану было хорошо известно, где ходят камунуси. А также чем они заняты на самом деле. Уж точно не охотой на оборотней. Несмотря на это, ему стало обидно, что его собратьев поносят. Он сказал:

– И что, оборотень ваш даже следов не оставляет?

– Ничего не разобрать по следам. Для хорька велики, а для медведя малы будут.

– Покажите, – попросил Такуан.

В курятнике было преизрядно натоптано. Правда большая часть следов оказалась чужья – обеспокоенный хозяин исходил поутру весь курятник вдоль и поперёк. Но Такуану удалось обнаружить подкоп, через который неведомый хищный зверь проник в курятник. Цепочка следов с отпечатками длинных когтей уходила в лес.

– Ну что? – спросил его крестьянин.

– Ничего, – ответил ему Такуан. – Никакой это не оборотень. Сами себе помогайте, зачем на камунуси пенять.

Крестьяне разошлись по домам, а Такуан вернулся на постоянный двор. Он вытянулся на кровати, но сон к нему не приходил. «А ну как оборотень всё-таки. Может быть, он и виновен в гибели моего отца», – такие мысли ходили у него в голове взад-вперёд. В точности как крестьянин по курятнику.

Лисёнок, примостившийся рядом, вдруг подскочил и взобрался на подоконник. Он шумно вдохнул носом воздух и вопросительно тявкнул.

– Ну что там? – спросил его Такуан.

Лисёнок снова тявкнул, спрыгнул с подоконника и забегал кругами возле двери.

– Думаешь, снова за курами пришёл, оборотень этот?

Такуан быстренько оделся и выбрался через окно на крышу. Спускаться через обеденную ему не хотелось, там наверняка кто-нибудь из других путников до сих пор пьянствовал. Лисёнок выбрался за ним, цепляясь коготками за черепицу. Он забрался на самую вершину остроконечной крыши и снова тявкнул. Такуану ничего не оставалось, как последовать за своим товарищем.

Лисёнок провёл его до края крыши, с которого перепрыгнул на соседнюю с прытью лесной обезьяны. Он провёл Такуана через несколько крыш, затем спрыгнул во внутренний двор одного из крестьянских домов.

Куры в сарае беспокойно завозились.

– Так это ты, что ли, курей у них таскаешь? – недоверчиво спросил Такуан.

За время, которое Такуан провёл в компании лисёнка, тот ни разу ничего не ел. Такуан предлагал ему и хлеб с сыром, и всякую другую снедь, но лисёнок только нос воротил. Отказался он и от свиной колбасы, которую свернула Такуану в дорогу щедрая жена деревенского старосты. В конце концов Такуан решил, что лисёнок охотится на лесную дичь по ночам, куда его хозяин спит. «А может и не на лесную дичь вовсе», – подумал Такуан, прислушиваясь к беспокойному гулу в курятнике.

Лисёнок не стал отвечать Такуану, а вместо этого побежал вдоль курятника. Шум внутри усилился. Похоже, кроме курей, в сарае был кто-то ещё.

«Оборотень!» – тут же догадался Такуан, и ему стало стыдно, что он подумал на лисёнка.

– Прости, – поспешил он извиниться. Но лисёнку и дела не было до извинений. Он добрался до угла сарая и притаился. Нос его шевелился.

Такуан подкрался к нему и осторожно высунулся за угол. Дальняя стена курятника выходила к лесной полосе. И под этой стеной был свежий, только что вырытый подкоп. Влажная земля кучками лежала вокруг.

Наши охотники стали выжидать, куда зверь не выберется наружу. Такуан осмотрелся и заметил оглоблю, что походила на шест, с которым он тренировался в монастыре. «Как оборотня увижу, схвачу оглоблю и отдубашу его хорошенько», – так он решил.

И вот наконец зашумело не только в курятнике, но и в самом лазе. Кто-то пробирался по нему из курятника. Лисёнок приготовился к прыжку, а Такуан положил руку на припасённую оглоблю.

Из подкопа высунулся чёрный нос, а затем узкая треугольная морда с курицей в зубах. Вслед за мордой появилось тело с жёсткой чёрно-белой шерстью. На кривых лапах блестели длинные когти. Это был барсук-медоед.

Обычные барсуки размером были поменьше и на курей не нападали, предпочитая мелкую лесную пожить – мышей и жуков. Огромному медоеду этого было мало, и он повадился таскать у крестьян курей. Больше одной курицы за раз он утащить не мог, но в порыве охоты нередко успевал передушить нескольких. Словом, все загадочные особенности «оборотня» нашли тут своё объяснение.

Такуан разочарованно выдохнул. Он-то уже успел понадеяться на встречу с оборотнем. Впрочем, и барсуку можно было задать хорошую трёпку. Справиться с барсуком было непросто: хоть он и был гораздо мельче медведя, в ярости тому не уступал. Длинные когти делали его опасным противником, а жёсткая шерсть защищала от стрел не хуже кольчуги. «Ничего, против оглобли-то не поможет кольчуга твоя», – подумал Такуан и выпрыгнул из своего укрытия. Он грозно взмахнул оглоблей как шестом.

Барсук выпустил из пасти мёртвую курицу и обернулся. Пасть его ощерилась рядом острых зубов, которые зловеще блеснули в лунном свете. Барсук встал на задние лапы и приготовился к схватке.

Такуан со всего размаху обрушил своё оружие на барсука. Барсук махнул когтистой лапой, и щепки полетели во все стороны. Оглобля стала короче на треть, а барсуку никакого вреда не случилось.

Барсук опустил на землю, развернулся, схватил курицу и потрусил в лес. Он решил, что в схватке победа осталась за ним. Но Такуан с таким исходом не был согласен. Он перехватил переломленную оглоблю в другую руку и побежал догонять своего противника.

У самой границы леса Такуану удалось настичь барсука. Тот снова бросил курицу на землю, и противники сошлись в схватке. Сколько Такуан не старался, никак ему не удавалось нанести барсуку ни одного удара. Барсук с необычайной ловкостью отбивал все атаки, и оглобля уже вконец измочалилась.

Барсука же одолевала злость. Ему хотелось забраться в свою берлогу и там хорошенько перекусить освежёванной курицей. А этот неведь откуда взявшийся человек никак не давал ему даже до лесу добраться. Наконец барсук так разозлился, что перестал обороняться и сам бросился на Такуана.

Такуан попытался отбить атаку, но барсук легко перерубил пополам то, что ещё оставалось от оглобли. Одна половинка улетела в кусты, а вторая осталась у Такуана в руках. Для схватки она больше не годилась. Поэтому Такуан бросил её в барсука.

Оглобля, а вернее её последний огрызок, попала барсуку прямо в нос. Всем известно, что нос у зверей – самое болезненное место. От внезапной боли барсук оторопел и уселся на свой зад, потирая нос когтистой лапой. Ярость вскипела в сердце барсука, и он прыгнул вперёд с упятерённой силой.

Но Такуана там уже не было. Он воспользовался передышкой, чтобы перескочить барсуку через голову. Теперь уже барсук нападал, а Такуан только успевал уворачиваться.

Такуан был готов сдаться – барсука ему было без оружия не одолеть. Он свистнул лисёнку, чтобы тот следовал за ним, но лисёнка рядом не оказалось.

Против своей воли Такуан подумал о том, какой же лисёнок всё-таки трус. И словно помогая Такуану прогнать эту негодную мысль, из кустов раздалось тьяканье. Лисёнок выпрыгнул из куста жимолости и схватил барсука за хвост.

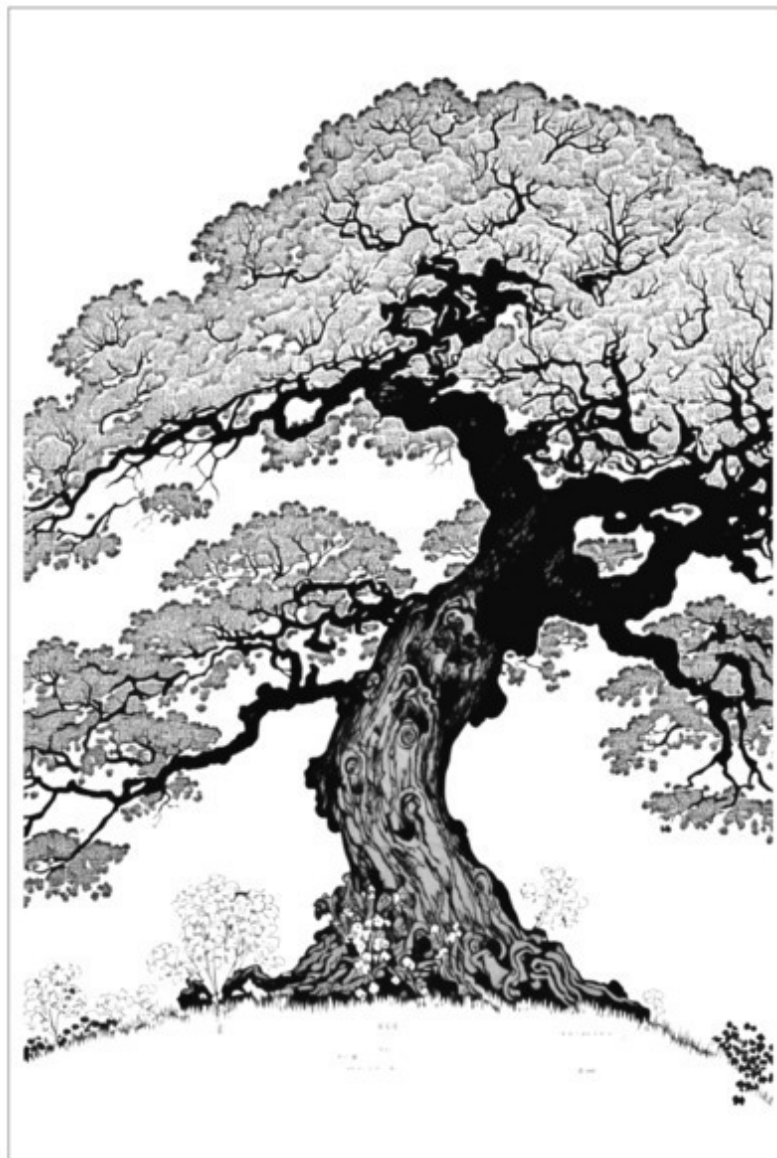
Барсук не почувствовал боли, только досада тронула его сердце. «Кто меня за хвост треплет?» – подумал он и повернулся, чтобы разорвать лисёнка, но когтистая лапа только прорезала воздух. Лисёнок ловко отскочил в сторону и припал на передние лапы, словно издеваясь. Барсук прыгнул на него, но лисёнок снова увернулся и скрылся в кустах. Барсук уже совсем позабыл про Такуана – вся злоба его теперь была направлена на мелкого и вёрткого лисёнка.

А лисёнок никак не давался барсуку и уводил его всё глубже в лес. Такуан побежал следом, прихватив то, что осталось от некогда длинной оглобли. Он раздумывал, как помочь своему другу.

И вот погоня привела троицу к большой прогалине. В самом центре поляны стояло раскидистое дерево. Лисёнок принялся бегать вокруг дерева, а барсук – гоняться за ним, совершенно не обращая внимания ни на что иное.

«Неспроста лисёнок барсука на поляну привёл», – догадался Такуан и начал осматриваться, призывая на помощь всю свою наблюдательность.

Долго искать ему не пришлось. На одной из веток дерева висел огромный осиный улей. Из округлого летка выбирались огромные осы и улетали в поисках цветочного нектара и мелких мушек для гарнира. «Такие ужалят если, – подумал Такуан и поморщился, – шишка с кулак будет».

Барсука прозывали медоедом неспроста. Помимо ворованных кур только одно блюдо он любил более прочих – пчелиный мёд. Шерсть медоеда была такой жёсткой, что пчелиные укусы не достигали барсука вовсе. Но вот гигантские осы были для барсука серьёзной опасностью. Их жала были вдвое длинней пчелиных, а своей свирепостью осы не уступали самому барсуку.

«За каждый разорённый улей должен медоед заплатить», – справедливо считали они, глядя на развалины пчелиных ульев.

Вот и сейчас осы почуяли близость медоеда и стали собирать армию. Всё меньше ос улетало за пищей и всё больше их оставалось вокруг улья.

Такуан размахнулся и метнул один из деревянных огрызков прямо в похожий на мешок с картошкой улей. Тот покачнулся, осы-охранники с громким гулом вылетели из него. Такуан покрутил оставшийся кусок оглобли в руках, выждал нужный момент и метким броском сбил улей с ветки.

Улей рухнул на землю, но самой земли он коснуться не успел, потому что в него на полном ходу врезался барсук. На это и был расчёт Такуана.

Разъярённые осы бросились на барсука, а тот стал отбиваться. Но справиться с целым ульем гигантских ос медоед не мог. На его морде начали взбухать волдыри, и он пустился в бегство. Осы помчались за ним тёмным облаком. Скоро барсука и след пропал.

Такуан довольно обтёр вспотевшие ладони лопухом. Лисёнок каким-то образом уже сидел возле него и облизывал морду длинным языком.

– Вот здорово! – сказал Такуан и не поскупился на похвалу: – Ловко ты придумал с этим ульем! А я ведь, дурак, подумал, что ты меня бросил. Ну как ты меня бросишь, мы же с тобой всегда вместе. Как персик с косточкой!

Лисёнок повалился на спину и стал крутиться. Такуан почесал белую шерсть на лисьем животе, и его рыжий друг довольно заурчал.

– Ты поумней будешь этих крестьян, – сказал ему Такуан. – Пора тебе имя дать. Буду звать тебя Дзин, что означает «человек». Ведь ты такой же умный и хитрый, как я.

Лисёнок согласно подрыгал лапами.

На следующий день Такуан рассказал о своём подвиге крестьянам, не забыв упомянуть и помощь лисёнка. Крестьяне же решили, что Такуан всё про лисёнка придумывает, но ему ничего не сказали. Только поблагодарили и вернули потраченные им на постоялом дворе медяки.

Такуан с лисёнком отправились дальше.

Читайте следующую главу, чтобы узнать, как Такуан добрался до замка Ту Фанга и нашёл ли он там свою семью.

Глава девятая

в которой повествуется о том, как Такуан прибыл к замку Ту Фанга, чтобы найти свою семью, а нашёл своё призвание

Итак, Такуан помог жителям деревни избавиться от барсука-медоеда, а сам двинулся дальше. Вскоре показались первые дома, и вот он уже добрался до рыночной площади, с которой широкая мощёная дорога вела в замок наместника Ту Фанга. На площади было много народа, и все были чем-то заняты. Такуан не стал никого отвлекать своими расспросами и отправился в трактир, который находился на соседней с площадью улице.

Деревянная вывеска с кружкой и рыбьим хвостом гласила: «Трактир Сяо Пинь». Сяо Пинь – так звали хозяина, а также его отца и отца его отца. Семейство Сяо Пинь владело этим трактиром вот уже три поколения. Четвёртое поколение уже подрастало на смену стареющему главе семейства.

У хозяина трактира было два сына, каждый по-своему был силен. Сила старшего была в руках и плечах. Набитые рыбами бочки он приносил в трактир так, будто они были пустыми. А у младшего вся сила ушла в одни только пальцы. Вертел он ими с необыкновенной ловкостью, почему и на кухне, и за прилавком ему не было равных. Когда кто-нибудь из посетителей заказывал очередную стопку креплёного вина, младший сын трактирщика устраивал из этого такое представление, что люди приходили в «Трактир Сяо Пинь», только чтобы посмотреть. Старший из семейства Сяо Пинь смекнул, что за вход можно брать небольшую монету, и с тех пор дела у семейства трактирщиков пошли в гору.

– Подожди здесь, – шепнул Такуан лисёнку, свернув в подворотню рядом с трактиром. Лисёнок поморщился, но послушно отошёл к деревянной стене и лёг на землю, прижав уши.

А Такуан пошёл внутрь. Он справедливо рассудил, что где-где, а уж в трактире всё обо всех должны знать. Такуан распахнул дверь и шагнул внутрь, но тут же натолкнулся на грозного вида вышибалу, который сказал:

– Платить кто будет?

– Так я же ничего не заказал ещё, – удивился Такуан.

– Заказал не заказал. Правила у нас такие. Вошёл – плати.

– Сколько?

– Мелкую монету. Есть у тебя? – Вышибала пригляделся: – Одет вроде прилично.

Такуан вытащил из кармана пару медяков, повертел их в руках и протянул одну из монет вышибале.

Тот внимательно рассмотрел монету сам. Удовлетворённый, он пропустил Такуана внутрь. Молодой трактирщик в это время только начинал своё представление. Ему заказали десять стопок креплёного вина, и ловкач теперь жонглировал тремя открытыми бутылками, капли из которых летели в поставленные стопки с небывалой точностью.

Такуан ошеломлённо наблюдал за представлением. Такой ловкости он ещё не видывал. Даже самые ловкие из его братьев-послушников на подобные трюки способны не были.

И вот представление окончилось. Десять полных стопок соскользнули с прилавка в руки подавальщице, которая отнесла их к дальнему столу, где сидел один человек.

Выглядел он так странно, что Такуан сперва и за человека его не принял. Внушительного роста незнакомец сидел на толстой скамье, которая прогибалась под его весом. Ноги его походили на снопы соломы, а руки показались Такуану толще ветвей столетнего дуба. Но ещё больше был у незнакомца живот. Такой большой, словно он пивной бочонок целиком прогло-

тил. Венчала всё это абсолютно лысая голова с торчащими в разные стороны ушами. На лице красовался нос, напоминающий свиной пятак.

Незнакомец схватил сразу три стопки и опрокинул их в себя так быстро, что Такуан и глазом не успел моргнуть. Затем странный посетитель трактира громко рявкнул:

– Несите уже печного каплуна, чего ждёте?

И лоснящийся маслом каплун тотчас оказался у него на столе. Мясистыми пальцами незнакомец разодрал каплуна пополам так, будто он был сложен из рисовой бумаги. Затем толстые пальцы ухватили каплунову ногу, и незнакомец принялся её обглаживать.

Такуан с трудом отвёл взор от этого представления, которое ошеломило его едва ли меньше, чем трюки молодого трактирщика. Он пробрался к прилавку и замахал рукой, привлекая внимание:

– Уважаемый!

– Чего желаешь? – улыбнулся трактирщик, пальцы которого словно бы сами по себе перебирали столовые приборы, поочередно ополаскивая их в мыльной воде.

– Мне бы спросить... – начал Такуан.

– Трактир у нас, а не палата справок, – оборвал трактирщик, но улыбка так и не сошла у него с лица.

– Да, но... – замялся Такуан.

– Спрашивай уже, – сказал трактирщик, которого забавляла неловкость деревенского парня. Он сразу понял, что перед ним приезжий. А вот о том, что Такуан – бывший монах, догадаться уже было невозможно. Отросшие рыжие волосы надёжно скрыли послушничество Такуана.

– Из деревни Кото сюда не приезжал никто? – спросил Такуан и тут же потерял всякую надежду. Только сейчас он понял, сколько домов стояло вокруг замка Ту Фанга и сколько людей в них жили. А уж про число торговых обозов и упоминать не следовало.

– Кото... – задумчиво протянул трактирщик.

Он хотел было что-то сказать, но тут из дальнего угла снова донёсся рёв:

– Ещё вина!

– Не хватит ли тебе, Люцзы? – сказал толстяку вышибала, который лишь чуточку уступал тому в объёме рук. Бочонкоподобного живота у вышибалы не было. – Второй день ты уже здесь пьёшь. Чем расплачиваться будешь?

Толстяка прозывали Чжу Люцзы, и прозвище такое он получил за свой необычный внешний вид, ведь «чжу» означает «свинья». Он без видимой охоты сунул руку в кошель, что болтался у него на поясе, и выудил оттуда золотую монету. На такие деньги можно было накормить всех, кто был в трактире, а также ещё и тех, кто только собирался в него заглянуть сегодняшним вечером.

Такуан заметил это и подумал: «Вот проведу этого простака и заполучу его кошелёк. Наверняка там ещё золотых предостаточно». Но сперва стоило закончить разговор с трактирщиком, который, похоже было, что-то припомнил. Однако высказать это ему не дали.

– Где моё вино? – повторил Люцзы на весь трактир.

Трактирщик скрылся на кухне и в один момент вернулся с двумя кувшинами молодого вина. Он сам поставил их перед Люцзы вместе с большой деревянной кружкой.

Люцзы тут же наполнил кружку, осушил её в один момент и громко отрыгнул.

– Хорошее вино, хоть и кисловато, – сказал он и приступил к другой половине каплуна.

– Всех гостей ты нам распугаешь сегодня, Люцзы, – сказал трактирщик.

Улыбка никак не сходила с его лица. Такуан начал думать, что трактирщик как-то незаметно растянул себе крючками рот.

– Давай так, – произнёс трактирщик, – если брат мой тебя переборет, то расплатишься и уйдёшь. А если нет...

– То вы меня ещё день бесплатно кормить и поить будете, – выставил своё условие Люцзы.
– Годится, – сказал трактирщик.

В силе брата он не сомневался.

Вышибала подошёл к прилавку и сказал:

– Давай на руках бороться.

Люцзы поднялся со скамьи, которая облегчённо скрипнула. Грузными шагами он подошёл к прилавку по другую сторону от вышибалы. Поединщики выставили локти на отполированное годами дерево и сцепили пальцы.

– Кто первым положит руку соперника на прилавок, тот и победитель, – объявил правила трактирщик. Сделано это было не столько для борцов, сколько для скопившихся вокруг зевак. – Раз, два, три! – отсчитал трактирщик, и поединок начался.

Люцзы тянул руку вышибалы на свою сторону, а тот упирался и пытался перетащить руку Люцзы к себе. Так они простояли добрых три минуты, пока руки у обоих не стали дрожать. Тогда вышибала решил, что выигрывает, и что было силы дёрнул руки на себя. Но не тут-то было. Люцзы ведь лишь только притворялся, что ослабел. На деле же он только разминаться начал. Так что у вышибалы ничего не вышло. Он покраснел от натуги, но не сдавался. А Люцзы сказал подавальщице:

– Налей-ка мне вина.

Та поспешила наполнить кружку, которую тут же опустошил Люцзы. Толстяк даже не взглянул на вышибалу, из ушей которого уже пошёл пар.

– Ну что же ты, – укоризненно сказал Люцзы и небрежно повернул руку так, что вышибала с грохотом ударился о прилавок.

А сам Люцзы прошёл обратно к своему столу и продолжил пьянствовать как ни в чём не бывало. Вышибала, потирая плечо, протиснулся к входу и начал собирать медяки с новых посетителей, которых за время поединка прибавилось.

– Кто это? – спросил Такуан у трактирщика, когда тот вернулся на своё место.

– Чжу Люцзы, – был ему ответ. – Странствующий воин, так он себя называет. Не знаю, какой он из себя воин, но силы у него немало. И поесть он любит.

Словно в подтверждение сказанному трактирщиком, Чжу Люцзы крикнул:

– Принесите мне ещё одного каплуна, за счёт заведения!

– Вчера объявился у нас, – продолжил трактирщик. – Как засел тут, так никуда и не выходил.

– Посетителей распугивает?

– Вовсе нет, – и трактирщик наклонился поближе. – На деле мы от его разгула в одной выгоде. Видал сколько зевак? Мы с них столько денег соберём сегодня, что не только расходы покроем, так ещё и в доходе останемся.

Такуан ещё раз посмотрел на Люцзы. Тот почувствовал любопытный взгляд и подмигнул в ответ. «Похоже, и сам толстяк в курсе, – подумал Такуан. – Не так уж он и прост». Тут он вспомнил о своём вопросе. Не хотелось ему уходить ни с чем, поэтому он спросил трактирщика заново:

– Так что, из Кото приезжал кто-нибудь?

– Много кто сюда приезжает, всех не упомяну, – ответил ему трактирщик. – Вот что, спроси-ка ты у торговца тканями. Сам он родом из Кото, может кого знакомого заметил.

Обрадованный Такуан в один прыжок выскочил из таверны.

Прохожие подсказали ему, где искать лавку торговца, которого прозывали здесь Пань Ка. Торговец этот был, как и сказал трактирщик, родом из деревни Кото, но Такуану он был незнаком.

Пань Ка уехал из деревни, когда Такуан ещё только появился на свет. Добавив к своему имени второй слог для солидности, Пань Ка обосновался в пригороде замка Ту Фанга. Дела у него шли с переменным успехом. Порой он заказывал на дом дорогие обеды из лучшего ресторана, а порой ему только-только хватало денег, чтобы заплатить охранную пошлину.

Дорожных разбойников в округе давно не видели, а уж лавочных грабителей и подавно. А пошлина с каждым годом только росла. Не один только Ту Фанг наживался на торговцах, но и сами стражники: они собирали на четверть больше того, что требовал наместник, и укладывали разницу себе в кошелёк.

Вот и в тот день, когда Такуан прибыл в город, стражники появились на пороге лавки. Самый главный и толстый из них сказал лавочнику так:

– Пришла пора пошлину платить.

С каждым словом слюна летела изо рта стражника всё дальше. Пань Ка поморщился, когда капли слюны упали на покрытый тканями прилавок. Но указывать стражнику на это лавочник на стал. Он промолвил со смирением:

– Но вы же на той неделе уже приходили.

– На той неделе приходил мой сменщик, – ответил стражник, нисколько не смутившись. «Вот ведь негодяй, на мою территорию залез!» – подумал он про сменщика.

– Плохо у меня торговля идёт, – сказал лавочник. – Я твоему сменщику отдал последнее, что было.

– Последнее? – и стражник бросил глаза на ящик, где торговец хранил выручку. – А там что?

– Это для того, чтобы самому товары закупать. Чтобы я ткани продавал, их ведь купить надо!

Денег у лавочника оставалось ровно столько, чтобы восполнить свой запас тканей. Торговля нынче шла не особенно бойко, и лавочнику пришлось урезать планы, отказавшись от самых дорогих и выгодных расцветок.

– Ты ткани продай сперва, а потом новые покупай! Так ведь торговое дело устроено. Продай – покупай, потом снова продай, снова покупай, и так по кругу, – стал поучать стражник.

В торговле он понимал не больше, чем в ловле разбойников.

– Вот смотри. Я у тебя покупаю вон тот рулон, – и стражник показал на отрез жемчужной ткани, самой дорогой в лавке. – Вот деньги.

Толстые пальцы выудили из кошелька медную монету.

– Теперь у тебя есть, на что самому покупать. Понял?

С этими словами стражник прошёл мимо торговца к ящику с деньгами. Он открыл ящик, в котором звякнуло серебро, и бросил внутрь свой медяк.

– А теперь, – добавил он, – ты платишь наместнику пошлину.

И стражник высыпал содержимое ящика на прилавок. Затем он разделил серебряные монеты на три кучки: одну взял сам, а остальные раздал своим подчинённым. На прилавке осталась лишь медная монета. Стражник показал на неё:

– Смотри, у тебя ведь остались деньги-то. Потому что ты мне рулон выгодно продал. Ну а за свой урок я недорого возьму, – с этими словами стражник забрал себе и последнюю монету.

Лавочник Пань Ка ничего против такой наглости поделать не мог.

Взвалив на плечо приобретённый жемчужный отрез, толстый стражник вышел из лавки. Следом выскочили и его подчинённые, болтавшиеся за старшиной словно хвосты у двухвостого осла.

Лавочник тяжело вздохнул. Он взял в руки деревянный ящик, который теперь был совершенно пуст, закрыл его и поставил на место.

– Уважаемый, – вдруг услышал он.

В тени у входа стоял невысокий паренёк, на вид ему было лет пятнадцать или, быть может, шестнадцать. Это был Такуан.

– Вы ведь из Кото родом? – спросил он.

– Из Кото, – рассеянно повторил торговец. Он всё ещё примирял себя с тем, насколько туго в этом сезоне его семье придётся затянуть кушаки.

– И я тоже, – кивнул Такуан, внутри себя радуясь первому встреченному земляку. – Ищу матушку свою, она из деревни уехала. Сказали, что сюда направилась. Может, видели её?

И Такуан описал свою мать такой, какой запомнил её на момент разлуки.

– Это жена кузнеца, что ли? – переспросил Пань Ка.

– Да, – ответил Такуан, и голос его дрогнул.

– Только поседела она вся теперь. И дочка у неё, хотя вроде бы сын был, Хацукой.

– Это я ведь и есть Хацукой! – чуть не вскричал Такуан.

– Поди-ка ты! – удивился лавочник. – Ну значит, видел я твою матушку. Проезжали они с торговым обозом и направились в столицу провинции. Там, говорят, рукоделие в большой цене. Князь требует всё приукрашивать всегда.

Такуана переполнила радость, и ему захотелось поделиться ей с лавочником. Он произнёс такие слова:

– Вот спасибо тебе, уважаемый! Так ты меня обрадовал. Чем я тебе отплатить могу, что сделать?

– Да что тут сделаешь... – Лавочник так и не выгасил свой разум из пустого теперь деревянного ящика. – Денег-то нет.

– О деньгах не беспокойся, – сказал Такуан и достал свой кошелёк. Он высыпал золотые на прилавок, и лавочник ахнул.

– Откуда у тебя, украл? – с подозрением заглянул он Такуану в глаза.

– Да что вы всё «украл-украл»! Удача принесла. Она ведь тем помогает, кто сам её не ищет, – вспомнилась мальчику старая пословица.

«В кости выиграл», – так лавочник решил про себя. И выбрал из разложенной на столе кучи только две монеты. Они приятно захолодили ему руку и, покалывая пальцы, просили прихватить с прилавка остальных своих родственников.

– Только две? – улыбнулся Такуан.

– Столько у меня в ящике было, – заглянул в амбарную книгу лавочник. – А чужого мне и не надо. Спасибо тебе, Хацукой.

– Такуан теперь меня звать. Хацукой ведь это для маленьких детей имя, а я уже взрослый совсем.

– Возьми что-нибудь из моего товара в благодарность, – сказал тогда лавочник.

Такуан осмотрел всё, что было вывешено в лавке, и отобрал себе прочный дорожный плащ и узкополую шляпу. Затем подумал ещё немного и добавил к этому прочный кожаный браслет с отверстием для драгоценного камня.

И отправился вслед за стражниками.

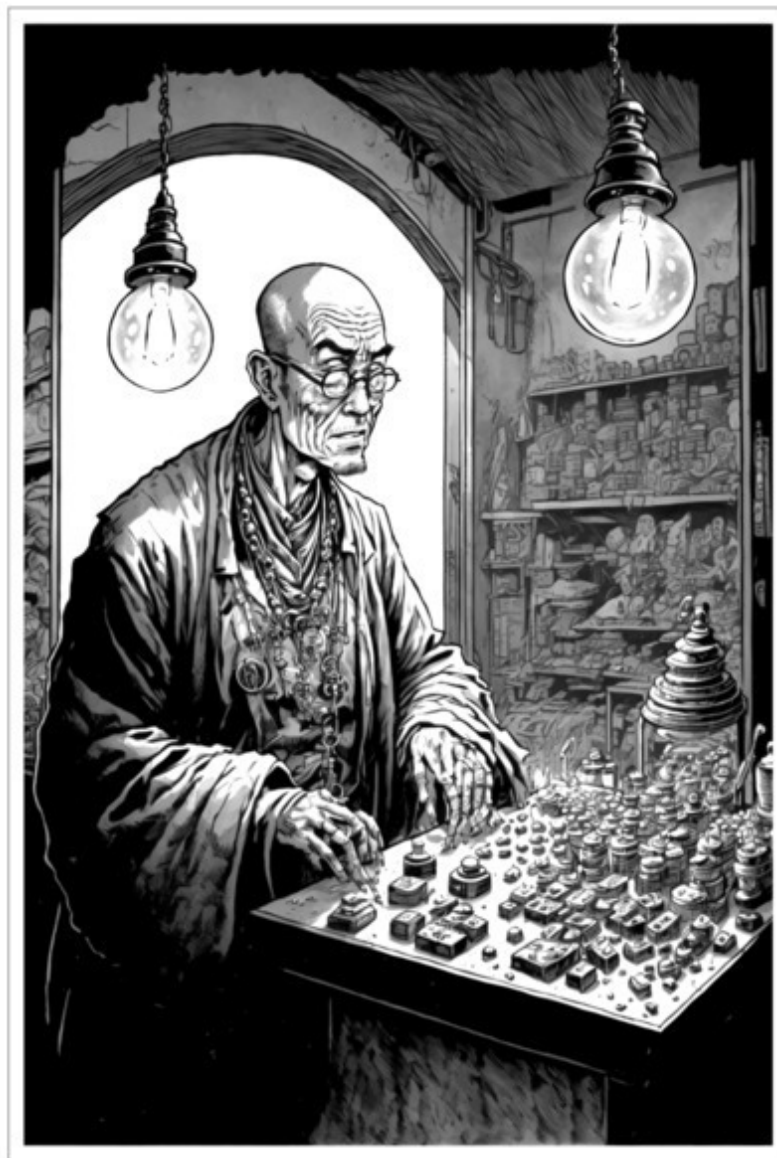
Кошелёк Такуана стал заметно легче, и это ему не нравилось. Хоть и потратил он эти деньги на хорошее дело, Такуан уже раздумывал, как бы их себе вернуть.

Удача сама шла к нему в руки. Ведь он заглянул в лавку торговца тканями, когда стражники ещё были внутри, и потому заметил, каким цветом загорелись их глаза при виде серебряных монет. А Такуан хорошо знал, какого цвета человечья жадность.

«Вот кого я проведу, – решил он. – Не дело, чтобы алчные люди насильничали и чтобы ничего им за это не было. Вот благородное дело для моих умений. Пусть и не вышел из меня охотник на демонов, уж мелкого-то человеческого беса я одолею».

Идея посетила Такуана ещё в лавке, и когда он догнал стражников, план уже был готов. Мальчик поднял с земли округлый подорожный камень и всунул его в браслет – туда, где должен быть вставлен самоцвет.

Стражники шли по торговой улице и заходили в каждую лавку, чтобы пополнить свои кошельки. Такуан обогнал их, пока они были у кожевника, и первым оказался в следующей лавке. В лавке этой как раз торговали настоящими самоцветами. На Такуане теперь были дорожный плащ и шляпа, вот лавочник и решил, что перед ним состоятельный путешественник. Так он подумал, завидев внушительных размеров кошель у Такуана на поясе.

Лавочник поспешил навстречу грядущему покупателю, сладко улыбаясь:
– Чего угодно, уважаемый? Присматриваете подарок для возлюбленной дамы? Амулет для родителей? Перстень для благородного пальца?

Такуан ничего ему не отвечал и с важным видом прохаживался по лавке. Наконец он услышал, как стражники входят внутрь, и тут же повернулся к торговцу. Тот растянул улыбку ещё шире:

– Выбрали что-нибудь, уважаемый?

– Такое дело, – начал Такуан и выложил на прилавок свой браслет, – хочу себе замену купить.

Торговец увидел обычный булыжник и рассмеялся:

– Таких камней на дороге валяется!

– Потому и хочу заменить, – важно сказал Такуан. – Веришь, нет, а был у меня топаз, чёрный как ночь. А теперь вот посмотри. Колдовство такое это.

– Колдовство? – переспросил торговец. Немного было в стране колдунов, да и те с людьми не очень заговаривали.

– В этом камне теперь песчаный демон заперт, – произнёс Такуан, подпустив зловещую нотку в свой голос.

Торговец отшатнулся. Про песчаного демона давно ходили слухи по всей провинции.

– Не бойся, уважаемый, – успокоил Такуан. – Из камня ему не выбраться. Но теперь мне новый топаз нужно подобрать. Чтобы следующего демона изловить.

Пока Такуан заливал торговцу глаза своими баснями, стражники подошли ко входу в лавку и притихли. Они решили, что в лавке был настоящий охотник на демонов. Странная узкополая шляпа и уверенный тон только утвердили их в собственной правоте. Стражники прислушались к разговору, в котором лавочник произнёс, поражённый волнением:

– Демона? У нас в городе?

– Да, – ответил Такуан и наклонился поближе: – Ты, уважаемый, к Сяо Пиню покуда не заходи. Там он сидит, демон. Распугал всех покупателей.

Сказал он это как бы шёпотом, но стражники всё прекрасно слышали.

– За поимку его награда назначена такая, что я на неё целый год праздновать буду, – сказал Такуан.

Толстые пальцы стоявшего позади главного стражника нервно схватили кошелек, и монеты в нём тихо звякнули. «Попался!» – понял Такуан, который, конечно, прекрасно знал, что стражники тоже слышали его рассказ. Он продолжил:

– Демона-то изловить нехитрое дело. Сам он в топаз полезет, если его потрепать хорошенько. А у демонов, чтобы ты знал, есть одно больное место. Если по нему ударить, они сразу без чувств падают.

Торговец слушал его, распахнув рот. За спиной Такуана были ещё три распахнутых рта, принадлежавшие стражникам.

– Надо его по носу ударить, – пояснил Такуан. – У него там вся демонская сила упрятана. Как она вылетит наружу, так его и будет легко повязать. Так что, – Такуан снова повысил голос, – есть у тебя топазы?

Торговец вытащил лоток, где были разложены несколько топазов всяческих размеров и расцветок. Был там и чёрный. Самый большой и очень дорогой.

– Беру! – сказал Такуан.

Он вытащил из браслета булыжник – все в лавке вздрогнули – и аккуратно убрал его в кошелек. Торговец подумал так: «У него в кошельке демонов полно! Надобно с ним поучтивей обойтись».

– Сколько с меня? – спросил Такуан.

– Двадцать один золотой, – сказал торговец.

Это была хорошая цена, поскольку своей обычной наценки торговец делать не стал. Один только золотой сверху накинул.

– Погоди-ка, – сказал Такуан и потянулся за кошельком, в котором по мнению торговца были спрятаны камни с демонами.

– Уважаемый, – поспешно сказал торговец. – Почему бы тебе завтра за камнем не зайти? Я его покуда в браслет вставлю тебе. А деньги ты мне в отдельном кошельке принесёшь. Подойдёт тебе так, уважаемый?

– Ну... – протянул Такуан, – скинь тогда мне один золотой.

– По рукам, – поспешно сказал торговец, а сам подумал: «Знает он настоящую цену. Разбирается поди в самоцветах. Сейчас его уважу, он ко мне и за следующим самоцветом вернётся. Там-то я свой барыш и наиграю».

– Ну тогда до завтра. Эй, посторонись!

Стражники вжались в стену, хотя Такуан был меньше каждого из них.

О том, что произошло в трактире семейства Сяо Пинь, читайте в следующей главе.

Глава десятая

в которой повествуется о том, как стражники поучились учтивости в трактире, а Такуан получил свой первый урок скромности

Итак, у торговца тканями Такуану открылось его призвание, а в ювелирной лавке он начала претворять его в жизнь. Так алчные стражники узнали о том, что в трактире семейства Сяо Пинь обосновался демон. Стоило Такуану скрыться за порогом ювелирной лавки, как стражники вытребовали у лавочника топаз.

«Сами демона изловим, а награду поделим», – так они сказали ювелиру, который такому предприятию и сам был рад.

Делиться наградой стражники не собирались.

Такуану же оставалось только выжидать. Он свернул плащ и шляпу в тугой узел, вернулся в трактир и заказал себе овощной похлёбки. На охотника за демонами он теперь совсем не походил.

Не успел Такуан выхлебать свой суп, как в таверну вломилась стражники. Не желая никому неприятностей, трактирный вышибала посторонился сам, а пара замешкавшихся посетителей оказались на полу.

Стражник-старшина огляделся и заметил в углу того самого демона, про которого слышал в лавке. Был этот демон довольно ужасного вида: ноги его были похожи на ржаные снопы, руки тоже были широки в объёме, но самым большим был его живот. На толстой шее демона сидела круглая голова без единого волоска. Морда у жителя Донной Страны была что ни на есть звериная – посреди неё красовался свиной пятак.

На столе перед демоном стояли грязные тарелки и кувшин с вином. Под столом пустые кувшины были свалены в кучи. В руке демон держал толстый ломоть ржаного хлеба. Демон крикнул:

– Ещё вина!

Видно было, что он тут всех держал в страхе, потому как подавальщица в ту же секунду оказалась у его стола с двумя кувшинами.

– Изыди, бес! – бешено заорал главный стражник.

Для храбрости он сперва выпучил глаза и только тогда бросился на демона. Два его помощника последовали за ним против их воли.

Чжу Люцзы не обратил на них никакого внимания, словно вопль стражника был не громче жужжания назойливого овода.

Стражник размахнулся своей длинной дубинкой и заехал Люцзы прямо по носу. Он хорошо помнил слова охотника на демонов: «Вся сила у них в носу – ударь хорошенько, и демон у тебя в кармане». В кармане стражника лежал чёрный топаз, отобранный у торговца самоцветами.

В одном Такуан был совершенно прав: больше всего на свете Чжу Люцзы переживал за свой чувствительный нос. В этом как раз он был подобен барсуку-медоеду, да и почти всякому лесному зверю.

От удара из глаз Люцзы вылетели искры, а из ушей пошёл пар. Он вскочил, перевернув стол, и завязалась драка. Испуганные посетители жались по углам. Стражники летали по всей таверне. Не успевал один из них встать, как его хватал взбешённый Чжу Люцзы. Далее несчастный стражник либо продолжал свой полёт до ближайшей стены, либо встречался головой с одним из деревянных столов или же оказывался со всей силы вмазанным в пол.

Вскоре бой был окончен. Незадачливые стражники лежали на полу без сознания. А Чжу Люцзы в смущении чесал затылок.

– Ты уж извини, уважаемый, – обратился он к трактирщику. – Не стоило им на меня лезть.

– Посмотри, что ты натворил, – ответил трактирщик. – Сам понимаешь, здесь тебе больше не рады. Поищи себе другое местечко для обеда, странствующий воин.

Трактирщик верно догадался, почему Чжу Люцзы прозывали странствующим.

Чжу Люцзы ухватил толстого стражника-старшину за ногу, другой рукой взвалил ещё одного стражника на плечо и вышел. Вышибала с трудом выволок третьего стражника следом. Стражники посыпались в канаву, как лошадиный помёт из ведра. Даже там они в сознание до конца не пришли. Вышибала вернулся в таверну, а Чжу Люцзы отправился дальше. Лёгкий голод уже проник в его желудок.

Ну а Такуан выскользнул из трактира и основательно обчистил карманы стражников, прихватив с собой и чёрный топаз. Довольный своей проделкой, он поспешил скрыться из города.

Не успел он сделать и дюжины шагов, как в спину ему донеслось недовольное твяканье. Празднуня победу, он совсем позабыл о Дзине. Такуан присел и взял на руки лисёнка, который выскочил из подворотни.

– Ну и ловко же всё вышло! – сказал Такуан. – Вот погоди, выберемся из города, я тебе всё расскажу.

И Такуан быстрым шагом направился к рыночной площади. Оттуда он свернул на широкую дорогу, которая вела прочь из города в столицу княжества Четырёх Рек.

Идти пешком ему быстро наскучило, и Такуан присоединился к первому же торговому обозу, который встретил. Обоз этот направлялся не в столицу, а в город по соседству. Но других повозок на горизонте не было, и Такуан вспомнил пословицу: в дождливый день охотнику и курица дичь. Денег у него было предостаточно, так что он заплатил возничему пару мелких монет и уселся рядом с ним.

Выспаться предыдущей ночью у него не вышло, так что он быстро задремал. Проснулся Такуан от грубого тычка в бок.

– Тебе в столицу, – сказал возничий. – Это через мост. А мне в другую сторону.

Такуан соскочил с телеги, размял ноги и перешёл через мост. Солнце уже катилось в сторону заката, а до столицы идти было порядочно. Дорога шла вдоль реки, а по другую сторону от неё раскинулся лес. Сразу после моста в лес уходила утоптанная тропа. На дереве была табличка с одним словом: Сурин. Такое название носила столица княжества Четырёх Рек.

Тропа вела в Сурин через лес и была кратчайшим путём в столицу, тогда как торговый тракт делал вокруг леса широкий крюк. Достаточно широкая для пеших и конных путников, тропа не вмещала даже самой скромной телеги, и торговым обозам ничего не оставалось, как тащиться в объезд.

Увидав табличку, Такуан обрадовался и сказал:

– Вот повезло! По этой тропе мы уже завтра до Сурина доберёмся.

И он свернул на тропу, переполненный мыслями о том, как он встретится со своей семьёй.

На тропе Такуан никого не встретил, и было это неудивительно. Мало кто путешествовал по княжеству пешком. Даже странствующие колдуны и те при малейшей возможности нанимали себе какой-нибудь транспорт.

К тому же вдоль торгового пути попадались трактиры и постоянные дворы, где за небольшую плату путники получали и ужин, и ночлег. Такуану же пришлось заночевать в лесу. Он заметил упавшее дерево, рядом с которым почерневшими камнями был выложен очаг.

«Тут я и остановлюсь», – решил он и стал собирать сучья, чтобы разжечь костёр. Набрав мелких сучьев, Такуан высек искру, и в очаге заплясали огненные языки. Сверху на выложенные колодцем палки Такуан положил сухой пень, который ему посчастливилось найти поблизости. Вскоре пень затлел, и вокруг очага разлилось мягкое тепло.

Лисёнок всё это время сидел рядом и наблюдал за работой со свойственным ему любопытством. Когда Такуан закончил с костром и опустился на завалину, лисёнок вскочил на ноги и уткнулся мордой ему в колени, словно выпрашивая историю.

Такуана долго уговаривать не пришлось. Он тут же начал рассказывать, что произошло в таверне. Для пущего эффекта он приврал, что Люцзы расколотил в трактире не только все столы, но и дубовый прилавок, и пивные бочки в придачу. Закончил Такуан перечислением своих трофеев. Он довольно похлопал по кошельку и сказал:

– А всё благодаря моей хитрости! Теперь у нас есть и золото, и серебро, и медные монеты. И ещё драгоценный топаз, чёрный как ночь. Есть ли кто на свете хитрее меня? Поискать надо!

Лисёнок смотрел на Такуана и облизывал свой нос длинным языком.

Вдоволь нахваставшись, Такуан свернулся калачиком и заснул. За проведённые в монастыре годы он в совершенстве овладел мастерством сна: стоило Такуану закрыть глаза, как он уже крепко спал.

Когда Такуан проснулся, лисёнка поблизости не было. «Охотится, наверное, – подумал Такуан. – Всё-таки надо ему чем-то питаться!» Такуан выждал немного для приличия, но лисёнок никак не возвращался. Тогда Такуан громко свистнул. Ничего не произошло.

«Пускай догоняет», – решил Такуан. Он затоптал ещё тёплые угли и пошёл дальше. Вскоре он вышел из леса – тропа снова привела его на торговый тракт. До столицы было рукой подать.

Такуан ускорил шаг и тут же услышал под ногами звон. Он посмотрел вниз и обнаружил, что на дороге лежит золотая монета.

– Вот удача! – сказал себе Такуан и поднял монету. Он положил её в кошель и пошёл дальше.

Через пару шагов снова раздался теперь уже знакомый звон. Под ногами лежала ещё одна монета. «Ну нет, это уже чересчур», – подумал Такуан, но в глубине души по-прежнему праздновал удачу. Он положил монету в кошель и затянул тесёмку. Раздался звон монет. Под ноги Такуану посыпались и золотые, и серебряные монеты, а кошель опустел.

Оказалось, что дно у кошеля прохудилось и в нём образовалась дыра. В эту дыру золотые монеты и выпадали одна за другой. Такуан разочарованно вздохнул и присел, чтобы собрать монеты. Тут его ждало расстройство.

Видимо, дыра в кошеле была уже давно и только вот сейчас разошлась настолько, чтобы золотые монеты смогли через неё выпасть. Но до этого времени в дыру выкатились все медные монеты, которые были размером поменьше. И это была меньшая из бед. Самое обидное было в том, что вместе с медными монетами из кошеля выпал большой топаз, чёрный как ночь.

– Наракасура! – выругался Такуан и тут же пожалел об этом. От монашеского ругательства ему защипало язык.

Такуан прошёл обратно по дороге, но не обнаружил ни монет, ни топаза. «Должно быть, они ещё в лесу выпали», – понял Такуан и совсем погрузился. Найти пропажу на лесной тропе было никак невозможно.

Такуан уселся на пыльную дорогу и расплакался, так ему было досадно.

Наплакавшись вдоволь, Такуан вытер слёзы рукавом и принялся чинить кошелёк. Он перетянул его с двух сторон тесёмкой и засунул оставшиеся монеты обратно. Золото и серебро осталось в кошельке, и было это уже немало. Он убрал кошелёк в карман и двинулся дальше.

Наконец перед ним открылся Сурин, самый главный город провинции Четырёх Рек. В этом городе жило великое множество людей, и каждый занимался каким-то делом. И дел этих

в городе было предостаточно. Как и говорил Пань Ка, рукоделие особенно здесь ценилось: в городе процветали швеи, гончары, оружейники, столяры-краснодеревщики и даже парикмахеры. Над городом возвышался княжеский дворец.

«Где же мою матушку искать? – подумал Такуан. – Найти бы кого-нибудь из нашей деревни опять, но и это неясно как сделать. Вот что у Пань Ка спросить надо было». Но торговец Пань Ка был уже далеко, а Сурин лежал прямо у Такуановых ног. Некоторое время Такуан ещё раздумывал, а затем решил поступить как раньше: расспросить какого-нибудь трактирщика.

Было это не так уж и умно. Трактиров в Сурине было много, и Такуану понадобился бы целый день, чтобы их только обойти. Но Такуан об этом пока не знал. Он отправился в ближайший трактир, название которому было «Зубы и Кости». Так он прозывался из-за внешнего вида своего хозяина. Трактирщик был настолько тощим, что можно было принять его за постыщегося дервиша. А зубы у него блестели даже ночью в новолуние.

Такуан прошёл к прилавку и попросил накрыть ему стол.

– Чем платить будешь? – спросил его трактирщик. И немудрено: после ночёвки в лесу одежда у Такуана смялась, словно катайский шёлк.

Такуан открыл свой кошель и показал серебряную монету. Хороший обед в этом трактире обошёлся бы ему лишь в несколько медяков. Но мелких монет у Такуана не осталось. В придачу ему захотелось утереть трактирщику нос, чтобы тот знал, что денег у гостя более чем достаточно.

Хозяин трактира мгновенно изменился в лице и сказал, сверкая зубами:

– Сей момент, уважаемый! Присаживайтесь пока вон туда.

И хозяин показал на один из свободных столов. Через несколько минут трактирщик сам вынес и поставил перед Такуаном глубокую плошку с горячей похлёбкой, толстый шмат хлеба и большой кусок сыра. К этому он добавил кувшин сладкого вина и деревянную кружку, в которую вмещалось больше вина, чем можно было подумать. Это была хитрость, с помощью которой гости быстро хмелели, сами того не замечая. Не заметил этого и Такуан.

Прихлёбывая из кружки, он расправился с похлёбкой, хлебом и сыром. Затем подлил себе ещё вина и огляделся по сторонам. Народу в трактире было немного. За соседним столом компания играла в кости – хозяин трактира смотрел на азартные игры спустя рукава. В конце концов, трактир его назывался «Зубы и Кости».

Такуану немедленно захотелось сыграть. Азартные игры в монастыре были под запретом, и потому послушники первых лет каждую ночь резались то в кости, то в карты. Но уже со второго года послушничества играть было некогда. Вот Такуан и соскучился.

Он подошёл к игрокам и спросил:

– Уважаемые, можно ли с вами сыграть?

Игроки переглянулись, и старший из них сказал:

– Почему бы нет. Но мы на деньги играем.

– Годится, – сказал Такуан и сел за игру.

Спустя совсем немного времени оказалось, что Такуан преизрядно выигрывает. «Так я совсем их разорю», – подумал он. Ему стало совестно, ведь своей удачей он был обязан монастырю и годам, проведённым в медитации. Игроки за его столом были в том не виноваты. «Если сейчас оберу их до нитки, со мной вовсе играть никто не будет», – вот что понял Такуан. А играть ему хотелось больше, чем выигрывать. Так что он стал потихоньку сдавать назад. А игроки подумали, что это им удача улыбнулась.

За игрой Такуан ещё прихлёбывал вина, как и остальные игроки. Трактирщик не упускал возможности заработка, и кружки на столе никогда не пустели.

Крепко опьянев, Такуан начал рассказывать про свои похождения: как ловко он обхитрил жадных стражников, как провёл настоятелей в монастыре и как обобрал самого наместника Ту Фанга.

Чего Такуан не знал, что играет он не с кем иным, как с людьми того самого Ту Фанга. Они приехали в столицу с поручением и перед самым отъездом решили отметить удачное завершение дел.

Поэтому стоило Такуану поведать историю про злосчастный колодец, как игроки переглянулись и каждый из них стал соображать. Такуан пошёл в уборную, а люди Ту Фанга поделились друг с другом соображениями и обнаружили, что мысль у них одна и та же.

Когда Такуан вернулся, перед ним стоял новый кувшин вина. Игра продолжилась. Наконец Такуан опьянел настолько, что едва мог ходить. Он сказал:

– Спасибо за игру вам, а мне пора. Матушку искать. И сестру. И поспать ещё надо бы. Отдохнуть.

Он пошатнулся и упал бы, если б один из игроков не подхватил его под руки.

– Что-то перепил ты, уважаемый, – заботливо сказал он. – Пойдём тебя провожу.

Такуану едва хватило сил, чтобы кивнуть в ответ. Он опустил голову и захрапел.

Когда Такуан пришёл в себя, каждая конечность его тела болела. Больше всего болели руки, которые почему-то были перетянуты верёвкой. Связаны были и ноги. Такуан обнаружил себя на коне, но вместо того, чтобы сидеть в седле, он был перекинут через него, как мешок с картошкой.

Голова у Такуана тоже болела, поэтому соображал он с трудом. Он разлепил глаза и увидел, что лошадь ведёт под уздцы один из игроков, с которыми он вот только что сидел за столом в таверне. Двое других шли впереди.

– Не только князю подарок передали, а изловили ещё того наглеца, что так наместнику досадил, что мы целый год по деревням его искали, – сказал один из них.

– Вот повезло так повезло! – подхватил другой, а третий прибавил:

– Он ведь ещё Ка Цинга обманул и обокрал.

Ка Цингом звали того самого стражника, которому больше всех досталось от Чжу Люцзы. Люди наместника продолжали обсуждать судьбу Такуана.

– Ту Фанг его заперет до полусмерти, а потом и вовсе шкуру сдерёт.

– Или наоборот!

– Или вверх ногами в бочонок со смолюю опустит.

– Или наденет на голову улей медвежьих ос.

Этих ос прозывали медвежьими потому, что их не только барсуки боялись, но и медведи даже.

Такуан догадался, в какую он попал передрыгу, и попытался освободиться. Но его похитители туго затянули верёвки, и ничего у Такуана не вышло. Он закрыл глаза и стал мириться с несчастливой судьбой. Получалось это у него плохо.

Люди наместника тем временем добрались до места, где в лес уходила тропа – та самая, по которой Такуан совсем недавно добирался до злосчастливого Сурина.

– Срежем? – предложил своим товарищам самый младший из них.

– И в лесу ночевать?

– Зато в замок быстрее доберёмся.

И они свернули на тропу.

Быстро стемнело, и Такуановы похитители стали искать место для ночлега. Так вышло, что местом этим оказалась та же завалина, где сам Такуан провёл предыдущую ночь. Посланники Ту Фанга разошлись в поисках дров, оставив свою добычу качаться в седле. Но сколько Такуан не качался, выпасть из седла не мог.

Наконец костёр был собран и разведён. Такуана сняли с лошади и бросили на поваленное дерево. Он чуть не возопил от боли, но сумел сдержаться и сделать вид, что всё ещё без сознания. Меж тем его похитители поужинали и улеглись спать.

Чтобы узнать, что произошло дальше, читайте следующую главу.

Глава одиннадцатая **в которой повествуется о том, как удача** **вернулась к Такуану, а также о том, как Такуан** **встретил принца страны Голубых Цветов**

Итак, из-за своего бахвальства Такуан оказался в плену у людей Ту Фанга. Они повезли его в замок наместника, чтобы там справедливо наказать. Ночь застала похитителей в лесу. Они развели костёр, поужинали и преспокойно себе заснули.

А Такуану не спалось. Было это потому, что старший из посланников храпел, как горный водопад, а может, потому, что затёкшие руки Такуана невыносимо болели. Или же потому, что нос у Такуана чесался, как если бы медвежья оса его туда ужалила, но почесать его никак не удавалось.

Такуан закрутил головой по сторонам в надежде увидеть хоть какой-то путь к спасению. Вдруг в траве что-то блеснуло. Свет от полной луны отразился от чёрного топаза и пощекотал Такуану левый глаз. «Надо же! Оказывается, он у меня ещё ночью выпал», – удивился он. Но удивление быстро покинуло Такуана. На смену ему пришло отчаянье.

«Как же мне быть? – крутился вопрос у Такуана в голове. – Что бы мне такого наврать Ту Фангу, чтобы избежать порки, бочонка со смолью и медвежьих ос?» Такуан был уверен, что Ту Фанг применит к нему все пыточные средства сразу.

Тут он услышал шорох. Ветки жимолости зашевелились, и показался чей-то острый нос. Раздалось негромкое тьяканье, и на поляну выбрался рыжий лисёнок Дзин. Со всеми своими заботами Такуан и думать позабыл про своего друга. А тот, должно быть, весь день охотился. И теперь смотрел на Такуана удивлёнными глазами.

Если бы лисёнок был человеком, он бы так сейчас размышлял: «Вот нельзя же было его оставить на день. Как он умудрился себя связать? И кто его новые спутники?» Но Дзин человеком не был, поэтому попусту время не тратил. Он тихонько подошёл к Такуану и в один миг перегрыз верёвки у того на руках. Пока Такуан разминал затёкшие руки, лисёнок расправился и с ножными путами.

Люди Ту Фанга так и не проснулись.

Такуан взвесил свои шансы и решил удачу более не искушать. «Хватит и того, что топаз ко мне вернулся», – подумал он и схватил самоцвет своими ловкими пальцами.

Затем он бесшумно раздвинул ветки жимолости. Лисёнок последовал за ним. Через полчаса Такуан был так далеко, что догнать его стало невозможно.

Когда Такуан вышел из леса, солнце только показалось из-за горизонта. Торговая дорога привела его на постоялый двор. Там он приметил в конюшне три богато украшенных лошади. На седле каждой из них был изображён герб с голубой лилией посередине. Лилии в княжестве Четырёх Рек не росли, поэтому необычная форма цветка заинтересовала Такуана. Размышляя об этом, он вошёл в трактир, оставив лисёнка снаружи охотиться за кузнечиками.

Это был обычный придорожный трактир, каковых по княжеству было раскидано превеликое множество. На втором этаже располагались комнаты для ночлега, а первый был отведён под обеденную залу. Словом, ничем этот трактир не отличался ни от «Зубов и Костей», ни от таверны семейства Сяо Пинь. Единственное, что было в трактире необычным, это его посетители.

Самый лучший стол был украшен чистой скатертью, на которой стояли все нехитрые яства, что местный кухарь сумел сотворить. Стояли там два стеклянных графина с вином и медные кубки.

За столом сидели трое. Молодой господин с длинными волосами и родинкой на щеке сидел во главе стола, горделиво распрямив спину. В тонких бледных пальцах он держал серебряную вилку, каковой уж точно в дорожном трактире было не место. Оттопыренный мизинец торчал в сторону и вверх, указывая прямо на благородное происхождение владельца. На груди у него качался медальон с изображением лилий, а на пальцах блестели золотые перстни. Даже рубаха из плотного хлопка была расшита золотом. Накидка с дорогой тесьмой лежала на краю стола. Звали господина Даньян Арра-ё, что означало «из древнего рода Арра». Его семья уже которое поколение правила в стране Голубых Цветов. Сам Даньян был наследным принцем этой страны.

Принц Даньян путешествовал по странам и провинциям Итаюинду и сейчас направлялся в Сурин. Сопровождали его придворные гвардейцы. О воинском ранге свидетельствовали широкие палаши, притороченные к поясам гвардейцев. Навершия палашей украшал уже знакомый Такуану герб.

Гвардейцы одеты были победнее принца, но всё же и по ним было видно, что в подобных трактирах они редко останавливались. Однако ни золотых перстней у них не было, ни серебряной утвари. А свои накидки и дорожные шляпы они попросту бросили на скамью рядом.

При появлении Такуана наследный принц поморщился. «Что за неопрятный простолюдин!» – обозначилось на его лице.

Пренебрежительный взгляд не ускользнул от наблюдательного Такуана, и он решил проверить, на что принц может ему пригодиться. К тому же денег у Такуана больше не было, а из всех ценностей был один только чёрный топаз.

Такуан приосанился и подошёл к столу с таким видом, будто это он здесь принц, а Даньян – его мельчайший придворный. Гвардейцы тотчас отставили плоски в сторону. Ближайший из них положил руку на эфес палаша.

– Приветствую тебя, уважаемый! – сказал Такуан.

На гвардейцев он внимания не обращал, будто их здесь и не было.

«Вот наглец! Пусть гвардейцы с ним разбираются», – так подумал принц. И поднёс к губам кубок с вином.

Один из гвардейцев медленно поднялся со скамьи. Он сказал так:

– Кто ты и как ты смеешь фамильярничать? Известно ли тебе, кто перед тобой?

– Вижу я, что это благородный господин, но ведь и я непростого рода, – сказал Такуан, словно одет он был не в потрёпанную деревьями рубаху, а в расписной кафтан.

Наглость Такуана позабавила принца, и он сделал гвардейцу знак. Тот послушно сел на скамью.

– Как же тебя зовут, благородный господин? – спросил принц, не скрывая насмешки.

– Зовут меня Ту Фаньян, чтобы различать с отцом, имя которому Ту Фанг, – присочинил Такуан.

Никакого сына у наместника Ту Фанга, конечно же, не было. Но принц Даньян Арра-ё об этом не знал. Знал он только, что Ту Фанг был окружным наместником князя Четырёх Рек и что замок Ту Фанга был где-то поблизости.

– Почему же ты в лохмотьях весь? Держу пари, вместо коня у тебя осёл, – стал потешаться над Такуаном принц Голубых Цветов.

– Конь у меня самый породистый на отцовской конюшне, – ответил Такуан оскорблённым тоном. – А конюшням Ту Фанга позавидует сам князь Бао Чжу. Дядюшка мой, Ту Ливей, лучших коней по всему княжеству выкупает.

– Покажи тогда, что не врешь.

Принцу стало интересно, где же предел наглости этого простолюдина.

– Я бы рад, вот только коня со мной нет, – сказал Такуан.

Принц в голос рассмеялся, и гвардейцы тут же подхватили смех. Вслед за гвардейцами поспешили смеяться и трактирщик с женой.

Такуан обернулся на трактирщика и посмотрел на него злыми глазами:

– Вот узнает мой батюшка, что ты надо мной потешался, шкуру с тебя сдерёт. Или в бочку смолы опустит. Или на голову осиное гнездо наденет.

Затем Такуан повернулся к принцу. Он промолвил такие слова:

– Мне и так неудобно появляться благородным людям в таком виде, а эти негодные ещё посмеваются. Ну ничего. Доберусь до замка, а после вернусь со стражей и с кнутами покрепче.

Принц утёр выступившие на глазах слёзы и сказал:

– Ту Фаньян, значит. Если вдруг ты и вправду тот, за кого себя выдаёшь. Как же ты это доказать можешь? У тебя даже коня нет!

– Верно, нет у меня больше коня, – ответил ему Такуан. – И одежды дорогой, и кошель с дорожными деньгами. Всё забрали проклятые разбойники!

– Вот как? Теперь у тебя разбойники виноваты?

– Одно удалось мне укрыть. Драгоценный самоцвет, что мой батюшка послал князю Бао Чжу в подарок.

Такуан достал из-за пазухи топаз, который при свете ламп заиграл тёмными искорками. Принц ахнул. Чёрные топазы были редкостью не только в Итаюинду, но и в стране Голубых Цветов. «Не может у простолюдина такой камень быть, – подумал принц Даньян Арра-ё. – Если бы даже своровал, тут же бы заложил его».

Удовольствовавшись таким рассуждением, принц предложил Такуану присесть за стол. Такуан не спеша опустился на скамью. Он вспомнил, как вели себя благородные посетители его монастыря, и теперь ловко обезьянничал. На принца Голубых Цветов это произвело нужное впечатление.

– Значит, разбойники тебя обокрали, Ту Фаньян? – спросил принц.

– В лесу перехватили. Зачем я только поспешил и свернул на лесную тропу! Вот и расплатился за спешку, – сокрушался Такуан. – Обобрали они меня и посреди леса бросили.

– Что же ты в одиночку отправился? Не взял охраны с собой. – И принц Голубых Цветов показал на своих гвардейцев.

– Задним умом всякий крепок, – качнул головой Такуан. – На коня своего я понадеялся и не подумал, что в лесу ночевать придётся. На торговой-то дороге нечего разбойников опасаться. Батюшка мой всех изловил!

Наместник Ту Фанг на ловлю разбойников не потратил и половины дня. Об этом поговаривали на постоянных дворах, но в лицо наместнику упреков никто не ставил. Однако принцу Голубых Цветов была известна правда. И он презрительно усмехнулся:

– Далеко ли тебе до твоего храброго батюшки!

– Навалились на меня втроём, куда мне одолеть в одиночку, – закивал Такуан. – Даже ведь оружия при себе не было у меня. Не то что у гвардейцев твоих. Хотя... – здесь Такуан прищурился. – Они бы тоже разбойников нипочём не одолели.

Такое мнение задело воинскую гордость, и один из гвардейцев сказал так:

– Мы вдвоём и дюжину разбойников победим.

Хвастовство это было справедливо. Гвардия Голубых Цветов была известна своим искусством. Но как всякое бахвальство, похвальба охранников имела свою цену. Одно последовало за другим, на что Такуан и рассчитывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.